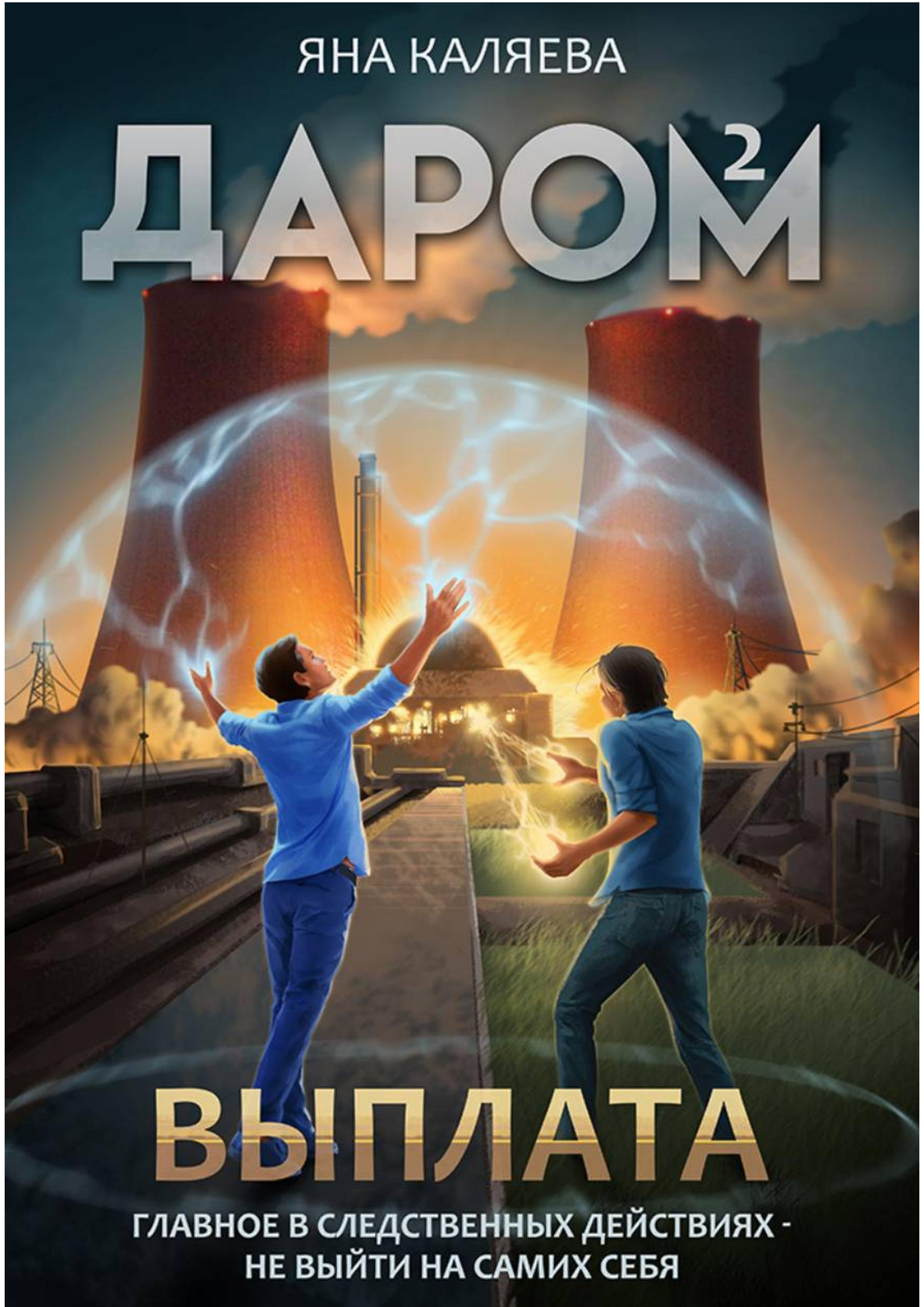

ЯНА КАЛЯЕВА

ДАРОМ²

ВЫПЛАТА

ГЛАВНОЕ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ -
НЕ ВЫЙТИ НА САМИХ СЕБЯ

Яна Каляева

Даром-2. Выплата

«Автор»

2026

Каляева Я.

Даром-2. Выплата / Я. Каляева — «Автор», 2026

Освободившись от Дара, Саша неожиданно для себя становится одним из немногих, кто способен противостоять новой глобальной угрозе. Приходится время от времени покидать семью, друзей и любимую работу, чтобы предотвратить очередную катастрофу. Хуже всего, что соратникам по этой борьбе доверять нельзя, а враг может носить любую маску и оказаться совсем близко. Теперь только младший брат, тоже свободный от Дара, способен прикрыть Саше спину. Олега удалось вытащить из-за грани, откуда не возвращался никто — однако проблемы, изначально создавшие эту ситуацию, никуда не делись.

© Каляева Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Врет, как будто за это платят	5
Глава 2. Ищи, кому выгодно	12
Глава 3. Семья — это навсегда	18
Глава 4. Надо разговаривать друг с другом	25
Глава 5. Будущее в прошедшем. Часть 1	31
Глава 5. Будущее в прошедшем. Часть 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Яна Каляева

Даром-2. Выплата

Глава 1. Врет, как будто за это платят

Февраль 2030 года

— Это не работает! — изо всех сил стараюсь пригасить раздражение в голосе. — Видишь, Аля, нельзя просто так взять и передать Дар, как проездной в трамвае.

— По крайней мере, до сих пор нам не удалось доказать обратного, — покладисто соглашается глава аналитической группы Штаба, убирая за ухо прядь темных растрепанных волос.

Эта женщина в свои сорок с хвостиком выглядит почти девчонкой — не из-за какой-то особенной красоты, скорее очень уж просто держится. Джинсики, худы, забавные гримаски, застенчивая улыбка... Легко забыть, насколько Аля на самом деле умна и опасна. Это ведь ее группа за четверть часа проанализировала дневники безумного сверходаренного, и ее голос из динамика убедил психопата задушить поделъницу. А по виду и не скажешь: Аля легко со всеми переходит на ты, выглядит легкомысленной, даже чуть расхлябанной, да и имечко это девчачье... Полностью ее зовут Алия — глубокие темные глаза выдают татарские корни. Фамилию и отчество она ни разу не называла, а я и не спрашивал. В Штабе лишних вопросов задавать не положено.

— Я все понимаю о важности этих исследований, — стараюсь говорить спокойно. — Но сколько раз еще надо побиться головой о стену, чтобы убедиться — оно не работает?

Подопытный, о котором мы оба почти забыли, разводит руками:

— Извините... я же правда старался. Мне не нужен этот Дар. Не знаю, отчего не получается его отдать...

Очередной кандидат на передачу мне Дара. Тридцать какой-то по счету — забыл уже, сколько их было.

— Конечно же, я понимаю, — мягко говорит ему Аля. — Тебя никто ни в чем не винит. Секретарь все объяснит насчет гонорара. Мы закончили. Спасибо, что согласился нам помочь.

— Да не за что, так-то я и не сделал ничего... До свидания!

Парень кивает, почти кланяется Але, пожимает мне руку и выходит — без лишней поспешности, но по спине его видно, что он только что с облегчением выдохнул.

— Как тебе показалось, он на самом деле пытался передать тебе Дар? — спрашивает Аля, глядя на только что закрывшуюся дверь. — Или только делал вид?

— Аль, ну я сколько раз говорил... Вообще не понимаю, что и как должно произойти. Ничего и не происходит. Откуда мне знать, чего он там хотел, чего не хотел? Я и с Даром-то не умел читать чужие мысли, теперь — тем более.

— Саша, я понимаю, тебе ужасненько это все надоело, — Аля, по обыкновению, улыбается чуть застенчиво, на левой щеке проступает ямочка. — Но что поделаешь, наука — дело нудное. Нужное, но нудное. Извини, что все время тебя дергаю. Мы тестируем десятки человек каждый день, и именно по этому кандидату выходило, что он в самом деле страдает от своего Дара и хочет от него избавиться.

— Что у него за Дар-то? Я уже забыл...

Аля потешно закатывает глаза, воздевает к потолку руки и дурашливо цитирует:

— «Отчего люди не летают, как птицы?»

— А, да, припоминаю... Ну и чего тут страдать-то? Летал бы в свое удовольствие. Он же вроде из спецназа? Там это даже полезно может быть.

— Еще как полезно. И все-таки он своего Дара искренне стыдится... Для него это как бы такая манифестация собственной инфантильности, от которой никуда не деться. И он полагает, что как свободный от Дара принес бы больше пользы.

— Да уж, наверняка побольше, чем я... — решаюсь наконец сказать вслух то, что угнетало меня весь последний месяц: — Честно говоря, таким бесполезным, как здесь, я никогда в жизни себя не чувствовал.

Здесь — это в Штабе.

После того вечера у Надежды, когда я расстался с Даром, мы с братом и мамой всю ночь сидели на полу в гостиной. Как много лет назад, когда Олег и я были детьми. И под угрозой расстрела сейчас не вспомню, о чем мы тогда говорили. Наверное, смысла особого в наших словах и не было. Олег и мама все время плакали, а я... не помню, вот честно. В общем, когда утром позвонил Юрий Сергеевич из ФСБ, я был в несколько измененном состоянии сознания после всего — сутки начались с тяжелого похмелья, продолжились наблюдением за катастрофой в прямом эфире, а закончились воссоединением семьи, о котором никто давно даже и не мечтал. Я сообщил Юрию Сергеевичу, что Дар, из-за которого меня собирались привлечь к расследованию, был да весь вышел; извините, так уж получилось... В тот момент я не сообразил, что людей с Даром, похожим на мой, в стране несколько десятков, а свободных от Дара — как бы не всего двое — мы с Олегом. Черный мерс примчал к подъезду через четверть часа и отвез меня прямо к трапу спецрейса в Москву. Там ждал такой же мерс — мне даже сперва показалось, тот самый. До базы Штаба он доставил меня за двадцать минут. И вот я торчу здесь уже битых полтора месяца.

В первые дни в Штабе царило напряжение — появления новых сверходаренных ждали в любую минуту. Для краткости случившееся в Карьерном назвали Прорывом. Но новых Прорывов до сих пор не случилось, и работа постепенно вошла в колею. Условия оказались вполне приличными: отдельная комната, неплохая кормежка, полное снабжение — чемодан-то я собрать не успел. Через месяц я с удивлением узнал, что мне полагается довольно приличная зарплата, причем выдали ее почему-то наличными, как в каменном веке.

Свободы моей вроде бы никто не ограничивал. Телефон, правда, изъяли в целях секретности, но скоро выдали новый — тяжелее раза в полтора и жрущий заряд как не в себя, но почти все мои приложения там работали, так что я мог поддерживать связь и с семьей, и с сотрудниками. Разумеется, я понимал, что каждый мой разговор прослушивается, за каждым шагом следят. Но тут уж ничего не поделаешь — знал, на что шел, когда связался с ФСБ. Попал в колесо — пищи, но беги. Впрочем, что мне скрывать-то?

Мою уникальную и неповторимую устойчивость к прямому воздействию Даров протестировали уже раз сто, не меньше, и тут не было ни одного сбоя. Кого на меня только ни натравливали — псиоников, телекинетиков, нимф. Приводили ли для проверок одаренных убийц, не знаю — подозреваю, что да, только мне не сообщали. Все Дары совершенно одинаково не срабатывали — меня для них словно не существовало. Хотя от опосредованного воздействия Даров свобода от них не защищала: телекинетик ничего не мог сделать только непосредственно с моим телом, но передвигаемые его Даром предметы в меня прекрасно попадали.

А вот опыты по передаче Дара раз за разом проваливались, и тут я ничем не мог помочь, хотя искренне старался. Хотелось, честно говоря, чтобы моя свобода от Дара отошла к кому-нибудь другому, спецслужбы потеряли ко мне интерес и оставили в покое. Если когда-то я грешным делом и мечтал получить уникальную, ужасно важную для всех суперспособность, то теперь предпочел бы снова стать рядовым, ничем не выдающимся гражданином — мне это больше подходит на самом-то деле. Я согласился бы на любой Дар, пусть даже самый смешной и бесполезный. Но такой возможности уже не было. Как любит говорить моя сестра Натаха, «фарш невозможно провернуть назад».

Через пару недель, когда стало ясно, что конца света прямо сейчас не намечается, мне определили выходные и предоставили машину, так что я смог выбраться в Москву. Побродил между достопримечательностями, повстречался со старыми приятелями — перебравшиеся в столицу однокашники найдутся у любого провинциала.

Казалось бы, живи не хочу. Но моя-то собственная жизнь осталась дома! Бизнесом я как мог управлял дистанционно, но удаленное руководство — это пародия на руководство... Не думал, что когда-нибудь скажу это, однако в ковид было проще: тогда на удаленку перешли сразу все, а теперь сотрудники вовсю работали в оффлайне, пока я пытался контролировать их через сеть в перерывах между экспериментами и тренировками. Не то чтобы Катя и ребята эпически лажали, но все равно оно не то, без хозяйского-то пригляда. Наш рейтинг постепенно просел на три десятых, причем единицы клиенты ставили редко, но выросла доля четверок и троек. Доходы тоже падали, хотя зарплату себе за последние два месяца я не начислял.

Конечно, мама с Натахой помогали Олегу отойти от того, что с ним случилось, но все равно я переживал за засранца — как он там без живительного пенделя от старшего брата? Сейчас он лечился в дневном стационаре с диагнозом «нервное истощение».

И больше всего я скучал по Оле... да и не по ней одной, если уж начистоту. Впрочем, тут все было и оставалось сложно. Тем важнее вернуться домой, чтобы со всем этим как-то разобраться.

Нет, конечно, если бы я понимал, что деятельно служу Родине и человечеству, то пережил бы и разлуку с семьей, и потерю контроля над бизнесом. Но если начистоту, с первого дня и до сегодня я был совершенно бесполезен. Чувствовать себя пятым колесом осточертело, и я решил поднять вопрос о своем возвращении домой — разумеется, в полной готовности в любой момент подорваться ликвидировать катастрофу, о которой все равно неизвестно, где она разразится и когда... да и разразится ли вообще.

Вопрос о моем статусе и местонахождении зависел от трех человек. Славная и безобидная на вид психологиня Аля была одним из них.

— Понимаю тебя, Саша, — легко соглашается она. — Знаешь, пословица такая есть — «хуже нет, чем ждать да догонять». Это очень меткое наблюдение за человеческой природой. Ожидание в состоянии готовности выматывает не меньше, а по-своему даже и больше, чем активная деятельность. Однако нам надо продолжать опыты по передаче Дара...

— Но ведь каждый раз одно и то же! Кто бы сюда ни приходил, мы тупо пыримся друг на друга — и ничего не происходит. Сколько уже говорил, не знаю, как это получилось тогда. Может, дело все-таки в Надежде? Ее не нашли?

Аля разводит руками:

— Нет, и сомневаюсь, что найдут... Никаких следов. Та квартира была снята на чужое имя. Паспортом она не пользуется — возможно, уже живет по новым документам. В мире технического персонала это несложно. Там вообще много такого, чего мы даже не представляем себе. Уборщицы и безо всякого Дара обладают невидимостью, никто никогда не обращает на них внимания. Спецслужбы всего мира давно привлекают их как агентов, а тут, видишь, сами же спецслужбы уборщицу не могут найти. Так что у нас теперь есть только ты... и твой брат. Я созванивалась с его лечащим врачом сегодня. Его состояние стабилизировалось.

— Я хотел бы сам убедиться в этом. По телефону мы общаемся, но это не то.

— Конечно! Хочешь, выпишу тебе командировку домой? Дня на три?

Решаюсь:

— Не командировку. Я думаю, пора мне вернуться домой, Аля. Нечего мне здесь больше делать. Эти опыты... я уже не верю, что они к чему-нибудь приведут. А значит, они ни к чему и не приведут. Прости, понимаю, они важны для твоей карьеры...

— Да при чем тут моя карьера! — вскидывается Аля. — Тоже мне, нашел, о чем беспокоиться.

— Я понимаю, твои ребята работают, отбирают людей... Но правда в том, что никто из них на самом деле, в глубине души, отдавать Дар не хочет. И, кажется, ничего с этим не поделаешь.

Я ожидал, что Аля станет доказывать, что я не имею права выходить из проекта, что рано или поздно ее группа разыщет человека, который действительно хочет расстаться с Даром... Попытается давить, манипулировать или, упаси бог, заговорит так, как тогда, по муниципальному динамике в Карьерном... Но спорить с этой женщиной — все равно что сражаться с водой. Аля чуть улыбается, склонив голову:

— Да, знаешь, а ведь очень может быть, что ты прав, Саша. Наши настоящие желания имеют мало общего с тем, что мы хотели бы хотеть. Человек вообще не то, что он о себе думает...

— И что же такое человек?

— Животное.

Вот казалось бы, что общего у топового военного психолога и недалекой шлюхи с дикого острова? А ведь Лора тоже говорила — «сильный зверь, хороший». И хотел бы забыть, а не получается. Возражаю:

— Люди все же сильно отличаются от животных.

— От других видов животных, — спокойно поправляет Аля. — Да, мы отличаемся. Двумя вещами. Мы более жестокие. И постоянно себе врем. Человек виртуозно умеет обманывать себя, так что убедить группу аналитиков ему вообще как нечего делать. Дары соответствуют не тому, что мы о себе воображаем, а тому, чего хотим на самом деле. Потому нужны действительно экстремальные обстоятельства, чтобы расстаться с ними. Ты — уникум, Саша. Пока нам не удалось найти такого же, как ты, но мы продолжаем поиски.

Вон оно что, манипуляция через лесть... грубовато для Али. Не ее уровень.

— Нет во мне ничего особенного. Просто причина была очень веская.

— Как скажешь, тебе виднее, — Аля, по обыкновению, не стала спорить. — В любом случае без твоего содействия у нас ничего не получится. Давай поступим так. Моя группа сейчас работает с последними кандидатами. Закончит дня через три. Если среди них найдется кто-то подходящий, мы попробуем снова. Знаешь, как оно бывает — последний патрон попадает в цель... Если не выйдет, не страшно. Мы пересмотрим стратегию отбора. Это займет время, так что нам так и так пришлось бы сделать перерыв. С моей стороны возражений против твоего отъезда не будет.

— Спасибо, Аля. Если что, я недалеко. Ночь на поезде — и я у вас. Как только будет шанс сделать что-то реальное — примчусь мигом.

— Не за что, — Аля снова улыбается. — Надеюсь, Юрий Сергеевич и Ветер возражать не станут. Тебе нужно быть там, где ты чувствуешь себя нужным, Саша. Иначе из тебя все равно не выйдет никакого толка.

Здоровенные парни в легком камуфляже заканчивают круговую тренировку — отжимаются попеременно на кулаках и на пальцах. Занятия в любую погоду проходят на улице. Даже в морозном воздухе до меня доносится запах здорового свежего пота. Наблюдаю с завистью: сам-то я в приличной форме для своих лет и образа жизни, но до этих ребят мне далеко. Впрочем, Ветер, командир отряда, проявил неожиданный для вояки такт и заниматься спортом вместе с ними мне даже не предлагал. Программу для меня тренер составил индивидуально, и вскоре я, конечно, проклял каждый день сидячей работы и каждую выпитую кружку пива — с гренками, сука, что же я так любил эти чертовы гренки?! Но по крайней мере никто, кроме тренера, моего позора не видит.

А вот в тактических тренировках я участвую через день вместе с этими парнями, но в роли кого-то вроде объекта прикрытия.

Ветер занимается вместе со своей командой, не пропуская ни единого упражнения — хотя он старше прочих лет на десять. Видел их на пробежках — мало кто способен его обогнать.

Группа заканчивает упражнение на скручивание пресса и направляется к корпусу. Ветер ловит мой взгляд, отряхивается, подходит ко мне:

— Чего у тебя, Саня?

С Ветром мы сразу перешли на ты, как и с Алей. Но если у психолога это явно было подстройкой, то для командира спецназа просто совершенно естественно.

— Да вот, разговор есть.

— Без проблем! Через двадцать минут в кафетерии.

Ветер — это не только позывной, но еще и паспортное имя. «Родители покойные романтиками были, — пояснил Ветер. — Зато я вырос бойцом. Сам понимаешь, с таким имечком в любой компании поначалу драться приходилось. Как куда приду, сразу начинается: “Ка-ак, гришь, ття звать? Не-е, эт кликуха, а нормальное-то имя есть?! А если по морде?!”»

Теперь-то я привык, а когда только осваивался на базе, не мог отделаться от ощущения, что переместился на машине времени в эпоху позднего СССР — все здесь выполнено в ее сдержанно-помпезном стиле, но при этом совершенно новое. Территория — большой парк, застроенный двухэтажными корпусами. Внутри блестящий от лака паркет, высокие двустворчатые двери, красные ковровые дорожки. Не хватает разве что кумачовых плакатов вроде «революционная бдительность — залог победоносной борьбы за коммунизм».

Но хоть кафетерий здесь — обычная кофейня, каких по десятку в любом торгово-развлекательном центре. Вот только денег платить не надо. Чужие здесь не ходят, а своим все положено безвозмездно, то есть даром. Такой как бы коммунизм в отдельно взятом межведомственном Штабе.

Заказываю большой капучино. Ветер приходит ровно через двадцать минут — по нему, наверно, можно часы сверять. Он успел переодеться в тельник, короткие волосы еще чуть влажные после душа.

— Ну, чего стряслось, Саня?

— Да не так чтобы стряслось. Просто осточертело мне тут болтаться будто говно в проруби. Дома семья, бизнес... А тут я ни зачем не нужен, если начистоту.

— Да как это — не нужен?! Понимаю, конечно, тебя к такому жизнь не готовила. Но дело-то серьезное у нас, а ты вроде как уникум — иммунный к воздействиям Даров. Готовиться надо.

— Мы же все равно не знаем, к чему готовиться! Где случится Прорыв? Когда? Какие в нем выйдут сверхдары? В чем будет цель, если будет вообще? Ни черта не известно. Мы ведь даже не можем быть уверены, что я действительно устойчив не только к обычным Дарам, но и к этим, мутировавшим. К чему мы готовимся, Ветер?

Бариста ставит перед командиром чашку и маленький прозрачный чайник — от напитка густо пахнет полевыми травами. Ветер ничего не заказывал — его вкусы тут просто знают.

— К чему мы готовимся? — спокойно переспрашивает Ветер. — А ко всему мы готовимся. И это нормально. Работа у нас такая — быть ко всему готовыми.

— Ты уже всех своих пацанов к Але посылал, чтобы они попытались мне Дар отдать?

— Не всех, — Ветер невозмутимо наливает себе чай. — Только тех, кто своим Даром тяготился вроде как. Без обид, Саня, но я бы предпочел, чтобы свободным от Дара оказался кто-то из наших. Ты для гражданского твоих лет в приличной форме, но в боевой операции этого сто пудов будет недостаточно.

У Ветра широкие, почти квадратные скулы, бульдожья челюсть, цепкие синие глаза. Желваки перекатываются под слегка небритой кожей.

— Да уж какие там обиды. Сам понимаю — староват, физуха не та и реакция.

— Но все это будет не важно, если мои прекрасно обученные, ко всему подготовленные парни по щелчку пальцев перейдут на сторону противника.

С полминуты молчим. Ветер, как и я, наблюдал за событиями в Карьерном в прямом эфире. Женька, пилот врезавшегося в девятиэтажку вертолета, был его старым сослуживцем.

— Чертово Одарение, — цедит сквозь зубы Ветер. — Чертово Сверходарение, или что там еще за дрянь. Раньше я и в кошмарном сне не мог представить, что придется учитывать такую возможность. Всегда была вероятность, что бойца перевербовали... но это же можно было вычислить заранее! Предатель обязательно чем-то себя выдаст, а если прошляпили — сами виноваты, утратили бдительность! А теперь кто угодно может повернуть оружие против своих... даже я сам... вот что в голове не укладывается.

Я передернул плечами. Только что по-белому завидовал сильным, слаженно действующим парнями на тренировке, их мышцам, дыхалке и рефлексам. Но что если мне предстоит сражаться не вместе с ними, а против них?

Но и выходить в бой в одиночку — не вариант. Там, в Карьерном, пристрелить двух психически неуравновешенных людей для меня проблемы не составило бы — ни тактической, ни тем более моральной — после того, что они наворотили. Но даже если бы на меня не действовали непосредственно ни ударная волна, ни гипноз — свобода от Дара не защитила бы ни от управляемой психом толпы, ни от кирпича, телекинезом направленного в голову.

По крайней мере, так мы предполагали теоретически. Ни одного живого сверходаренного для проведения опытов у нас не было. Их активно искали среди людей, перенесших сильный стресс, физические страдания, заключение в суровых условиях. Напрасно: значимого усиления Дара у них не обнаружилось. С теми психами из шахты и ранее с Лорой произошло что-то еще, и вычислить это не смогла пока ни одна аналитическая группа.

По всем округам ведутся поиски уединенных мест, где можно месяцами держать людей взаперти: заброшка, одинокие хижины в лесах, старые месторождения... Однако широка страна моя родная, и в данном случае это не преимущество.

Бешеными темпами идет ревизия всех дел об исчезновении людей в Одарение и вскоре после него; но это все равно что наперстком вычерпывать океан. Пропавших по стране — сотни тысяч. Часть из них так или иначе ушла в миры мечты — кто как Олег, кто по более серьезным причинам. Например, ни один исследованный Дар не способен воскрешать мертвых, а неужели же об этом никто не мечтал? Возможно, эти люди оказались там, где их любимые живы — и это не здесь. Кому-то из сотен тысяч, похоже, повезло намного меньше — он стал частью исполнения чужой мечты, и очень мрачной.

— Ладно, не ссы, — Ветер словно читает мои мысли, наверно, они отображаются у меня на физиономии. — Там, в Карьерном, те, кто под воздействие попал, сражались едва на десятую долю от своего потенциала. Так, вяло постреляли в сторону тех, кого в данный момент воспринимали как противника. Эти психи ими управлять-то не умели толком, а своя соображалка вырубилась у них. Так что Бог не выдаст — свинья не съест. Просто надо быть готовыми ко всему.

— Да разве же я против, Ветер? Проблема в том, что ни к чему я здесь толком не готовлюсь.

— Если подумать, то так и есть, — Ветер задумчиво хмурится. — Основы радиообмена ты освоил. Тактические команды тоже. Бойца уровня моей группы из тебя, ты уж не обижайся, не сделать ни за месяц, ни за год. А поддерживать физуху и стрельбой заниматься ты можешь и дома. Так что для меня особого смысла тебя тут мариновать нет. Но вот насколько оперативно тебя удастся выдернуть на прорыв — это уже, сам понимаешь, к Юрь Сергеичу. На нем же секретность всякая. Так что с ним решай. Только вот...

Ветер перекачивает желваки и держит паузу. Не выдерживаю:

— Только вот что?

— Скажу так. Некоторые люди наводят тень на плетень даже тогда, когда никакой необходимости в этом нет — просто по привычке. Ложь для них всегда надежнее и безопаснее правды; мой первый командир о таких говорил — врет, как будто ему за это платят. Работать с такими можно, просто... не расслабляйся. А я, если что, тренировки тебе и на родине организую. Так-то да, зачем тебе здесь сидеть? Боевой дух терять только.

Глава 2. Ищи, кому выгодно

Февраль 2030 года

— Да что ты такое говоришь, Саша? — Юрий Сергеевич вскидывает мохнатые брови. — Ты понимаешь, в какой мы все сейчас обстановке? Новый Прорыв может случиться в любой день, в любую минуту! А ты намылился уехать, спрятаться в уютной норке? Когда ты нужен здесь, как никто другой?

— Никто не может мне объяснить, зачем я здесь нужен.

— Ну как — зачем? Ты же свободный от Дара. Кроме тебя есть только твой брат, но медики сообщают, что он до сих пор не в форме. И Алины исследования...

— Они зашли в тупик. Аля хочет взять паузу, пересмотреть методику отбора кандидатов.

— Тогда тренировки с Ветром...

— Их полезность исчерпана.

— На все у тебя есть отговорки! Ты должен быть здесь, чтобы в любой момент подняться по тревоге! Не ожидал от тебя такой безответственности, Саша! Понимаю, служить Родине может быть не только опасно и трудно, но и попросту скучно в некоторые моменты. Но это же не повод проситься домой. Давай ты вернешься к тренировкам, и мы с тобой просто забудем об этом разговоре.

Юрий Сергеевич выглядит возмущенным до глубины души — ни дать ни взять любящий папаша, стыдящий сыночка за обмоченные штанишки. Если бы я не знал, что передо мной за человек — возможно, принял бы его эмоции за чистую монету. Но этот прожженный комитетчик виртуозно умеет изображать то, что нужно в данный момент.

Кабинет Юрия Сергеевича подчеркнуто безликий, среднестатистический: деревянные панели, дежурный портрет президента на фоне триколора, заснеженная рябина за окном. Здесь у всякого невольно возникает ощущение, что он уже много раз в таких кондовых присутственных местах бывал. Наверно, это должно притуплять бдительность. Да и сам Юрий Сергеевич выглядит как обычный чиновник средней руки: усы, обвисшие брыли, глаза чуть навывкате, внушительное пузо под пиджаком...

Не даю сбить себя с толку:

— Мы не будем забывать об этом разговоре, Юрий Сергеевич. После Одарения я пять месяцев оттрубил в полиции, явился туда даже раньше объявления мобилизации — потому что знал, что я там нужен. А здесь я не нужен.

— Ты ведь согласился нам помогать!

— Согласился, когда речь шла об участии в расследовании Прорыва в Карьерном. Но без Дара — какой от меня толк...

— Да там как раз и без тебя обошлись. К следствию подключили лучших из лучших, у всех профильные Дары...

— И по-прежнему ничего?

Юрий Сергеевич разводит руками:

— Увы. Никаких следов. Преступник предусмотрел все. Видимо, возле шахты он носил костюм эксперта-криминалиста, потому что даже потожировых следов не оставил. На повороте с трассы камер нет. Судя по отпечаткам, машины он менял... и вряд ли те покрышки сейчас существуют. И с похищениями обоих будущих сверходаренных та же история: ни камер, ни свидетелей. Обе жертвы — полагаю, в этом контексте мы можем называть их жертвами — жили в одиночку, так что их исчезновение заметили далеко не сразу. И полиции через месяц после Одарения было не до них.

— По крайней мере мы можем сделать вывод, что преступник или преступники неплохо знакомы со следственными методами. И учитывали, что место преступления может быть обследовано. Преступник — кто-то из Системы?

Юрий Сергеевич комично машет рукой:

— А может, он просто детективов перечитал? Там сейчас каждое следственное действие расписывают, прямо готовая инструкция по сокрытию улики. Как думаешь, Саша, — Юрий Сергеевич подмигивает, — может, они вредители все поголовно, эти писаки?

Стараюсь сохранить невозмутимое лицо. О как дядька щелкнул меня по носу, как щенка прямо. Ну еще бы, кто я такой, чтобы лезть в расследование федерального уровня? Провинциальный частный детектив без лицензии, у меня даже не агентство, а так, бюро находок...

Но я упрямый, и мне охота докопаться до сути:

— Раз преступника не удастся вычислить по следам, может, его можно угадать по мотивам? «Ищи, кому выгодно». Кому и зачем могут быть нужны Прорывы?

Маска добродушного дядьки на пару секунд спадает с лица Юрия Сергеевича. Кстати, я не знаю ни звания его, ни официальной должности. Сейчас он координатор Штаба, да, а раньше кем был? И что вообще значит — «координатор»? Какие у него фактические полномочия? Всего этого мне знать не полагается.

— Во-от какие ты вопросы задаешь, Саша, — тянет Юрий Сергеевич, разыгрывая удивление. — Ну сам тогда и попробуй ответить. Если, конечно, можешь себе представить, что там у психопата в голове...

— Если человек психопат, это не значит, что у него нет мотивов и цели. Тем более что мы видим необыкновенно высокий уровень организации. Да, преступник нечеловечески жесток, раз хладнокровно и продуманно обрек людей на страдания. Но вряд ли дело только и исключительно в садизме. Первый вопрос — знал ли он, что жертвы станут сверходаренными? И если знал, то откуда?

— А почему обязательно он? — Юрий Сергеевич лукаво склоняет голову. — Почему ты не рассматриваешь вариант, что это вовсе даже она? Женщины жестоки и коварны, знаешь ли.

— Может, она. Или вовсе даже они. Тогда едва ли причина в психопатологии, сговор психопатов — это уж чересчур. Кем бы ни был наш преступник, у него есть цель и план...

— И в чем же, по-твоему, могут состоять эти цель и план?

— Кому могут быть выгодны паника, разрушения, введение чрезвычайных мер? Вероятно, тому, кто надеется получить через это власть и возможности. Как знать, вдруг как раз в нашем Штабе... Кто лучше себя проявит в борьбе с Прорывами, чем тот, кто их и организовал?

Опять сквозь маску своего дядьки проступает что-то холодное, змеиное... Может, зря я это сейчас сказал?

— Эх ты глобально мыслишь, Саша, — качает головой Юрий Сергеевич. — Ты у нас, конечно, деятель заслуженный, герой и орденосец. И в смысле свободы от Дара уникал. Но все же, ты уж не обижайся на старика, не стоит тебе лезть в вопросы, в которых не смыслишь ни черта. У нас тут все от слаженности команды зависит, а ты со своими подозрениями... Так, чего ты хотел, домой уехать? Вот как давай поступим. Проверю, что там у тебя в городе есть в плане экстренного транспорта, и приму решение. Может, и правда нечего тебе здесь ошиваться без дела. Ну все, иди. Приятно поболтать, но дел много.

Уже в коридоре соображаю, что так и не понял — с чего вдруг Юрий Сергеевич так резко изменил решение насчет моего отъезда? Потому что мои вопросы угрожают слаженной работе команды ультра-профессионалов? Или... дело в чем-то другом?

— Ну, за встречу! — Денис приподнимает пивную кружку. — Скоро поезд у тебя?

— Через час.

— Ага... Жаль, раньше вырваться не смог. Консультация дипломников затянулась.

— Что, такие тупые?

— Какое там! Въедливые.

Денис — мой бывший одноклассник, ныне москвич, преподаватель престижного ВУЗа. Я ожидал, что с работы он придет в костюме и галстуке, но он носит модные молодежные чуть асимметричные размахайки. Ежик волос окрашен в ярко-зеленый. Эх, столица... У нас, конечно, город продвинутый, не самый медвежий угол, но все же я бы никому не советовал разгуливать вечером по спальному району с таким причесом.

— А говорят, молодежь нынче тупенькая, нейронки у них вместо мозгов...

— Это, Саня, те говорят, кто себя утешить пытается. Или кто сам настолько туп, что даже не может понять, насколько молодежь теперь умная. Нейронки у них не вместо мозгов, а рабочий инструмент. Как у нас были циркуль с линейкой. И сколько они этими инструментами всего умеют... Половину преподавательского состава уделывают на изички. У меня, конечно, выборка нерепрезентативная, ВУЗ элитный, но все же.

— Ну хорошо им, наверно. Можно балду пинать вместо того, чтоб учиться...

— Скажешь тоже! Учатся как не в себя, на все деньги. Преподавателям спуска не дают. Не дай Бог опоздаешь на пару — сразу в деканат цидульку пишут, что им-де образовательные услуги предоставляют не в полном объеме. Они для себя образование получают, а не чтобы мама с папой не прикапывались. У них и Дары почти у всех связаны с учебой или с будущими профессиями. Далеко пойдут эти детки.

— Да уж, выучишь таких на свою голову — и добро пожаловать в очередь на биржу труда... А бездарные к вам не поступили еще? Как они себя чувствуют?

— Это четверть первого курса примерно. Знаешь, эти еще более умные, цепкие такие. Привыкли уже к мысли, что им в жизни с боем пробиваться придется. Сами не расслабляются и никому расслабиться не дают. Иногда так загоняют вопросами своими — хоть увольняйся. Ладно, что это я все о себе да о себе. Ты-то как, Саня?

— Я? Да нормально вроде... — о работе в Штабе рассказывать нельзя. — Вот, бизнес развиваю понемногу. Жениться собираюсь...

— О, здорово, поздравляю! А когда свадьба? Все как у людей — похищение невесты, фотки на набережной, водка из туфельки? В «Старом городе» кутить будешь? Позовешь? А то соскучился по исторической родине...

— Не обижайся, но это вряд ли... Скромно отметим, с родственниками, наверно. И дата не назначена пока...

Честно говоря, об этом я как-то совсем не думал. Мы с Олей сначала созванивались каждый день, потом через день, в последнее время — раз в неделю... Ну как бы о чем говорить, когда говорить не о чем? Да еще под прослушкой, о которой Олю даже предупредить нельзя. Я ничего про свою работу рассказывать не мог, и ее бытовых новостей не хватало на ежедневные разговоры. Оля порывалась встретить меня на вокзале, но я ее отговорил — ни к чему пропускать из-за этого занятия.

Читал у какого-то классика, что разлука для любви то же самое, что ветер для огня: маленькую любовь она гасит, а большую раздувает еще сильнее. Потому, может, я так и стремился вернуться домой: Оля нужна мне, и отдаляться от нее вот так, день за днем, без каких-то особых причин, оказалось мучительно.

Денис выходит в туалет, а я берусь за телефон. Хмурюсь: Катя пишет, что с очередной секретаршей сотрудничество не сложилось. Это уже третья, которая уходит с испытательного срока. Плохо — без секретаря мы буксуем, на Кате слишком большая нагрузка, как на моем заместителе. И удаленно я никак не могу разобраться, в чем же проблема...

Как же хорошо, что я наконец еду домой.

Раздается грохот. Поднимаю голову: Денис пытается подняться с пола, опираясь на только что опрокинутый стул, и матерится сквозь зубы — похоже, от боли. Подбегаю к нему, протягиваю руку, помогаю встать и вернуться за наш стол. Спрашиваю:

— Что случилось?

— Да вот, чертова ступенька, не заметил ее...

— Капец, сам чуть давеча на ней не навернулся. Сильно ушибся?

— Да не так чтобы сильно. Засада в том, что аккуратно на больное колено приземлился. Причем третий раз за месяц уже...

— Ох, ё... Что ж так неосторожно ходишь-то?

— Да не в том дело. У многих на работе всякие мелкие траблы в последнее время. То машина новая сломается на ровном месте, то болячка неудобная вылезет. У одного доцента порнуха запустилась с ноута на занятиях — и ладно бы на обычном семинаре, студенты поржали бы и забыли, а там, как назло, комиссия аттестационная была. Больно уж кучно неприятности идут для простого совпадения. Похоже, в институте завелся джинкс.

— Кто?

— Ну, джинкс. Чмо какое-то с Даром к мелкой порче.

— А, эти... В наших пердях их исконно-посконно называют — шепталы.

— Да уж, оторвались мы тут от корней. Ну ты прикинь, какой тварью надо быть, чтобы больше всего на свете мечтать гадить людям исподтишка. И главное, даже если его вычислить, по закону ничего не сделаешь — ни на какую статью не тянет. Да и поди найди этого джинкса, небось в лицо-то всем улыбается... Ладно, это все мелочи жизни. А тебе на поезд не пора?

— Да, как раз. Ты не провожай, посиди лучше. Ну, бывай.

— Хорошей дороги!

Люблю поезда. Всегда по возможности предпочитаю их самолетам, если проехать надо в пределах тысячи километров. Да, поезд идет полсуток, а самолет летит часа два, столько можно перетерпеть даже в тесном кресле под бесконечные унылые объявления из динамика. Но к двум часам надо прибавить дорогу до и из аэропорта, непредсказуемые очереди, вероятность задержки рейса... Особенно бесит, что процедуру предполетного досмотра после Одарения не упростили, а наоборот, сделали еще более долгой и мучительной. Вот какой в этом смысл, когда буквально у любого человека может быть при себе оружие, которое невозможно не только отобрать, но даже и обнаружить? Всю эту показуху умные люди давно уже называют «театр безопасности». Но нельзя же лишить тысячи сотрудников рабочих мест, а аэропорты — бесконечных нервных очередей!

То ли дело поезд. Вокзалы обычно в центре городов, от входа до уютного вагона — от силы десять минут. А там валяйся себе на полке, спи-отдыхай, чтобы приехать в место назначения полным сил и сразу приняться за дела. Попутчики, конечно, попадают разные, но от вопящих младенцев и разговорчивых кумушек замечательно помогают наушники. И даже неизбежные между городами перебои с интернетом не страшны — можно заранее скачать на планшет кино и стать автономным от окружающей действительности. Особенно если верхнюю полку взять.

В моих смутных детских воспоминаниях поезда были другими: там курили в тамбурах, бухали в открытую, орали под гитару Цоя на весь плацкартный вагон... Теперь иные времена: курильщики, воровато оглядываясь, выбегают в тапочках на перрон на остановках, а на любой шум миглом является железнодорожная полиция. Мы, конечно, в студенческие годы все равно прибухивали в поездах, пряча бутылки в пакетах или носках, но с оглядкой и стараясь не шуметь.

Здоровуюсь с попутчиками, застилаю свою полку. Белье чуть влажное — неумирающая железнодорожная традиция. Врубаю какое-то кино — и почти сразу засыпаю, снимаю наушники уже в полусне.

Будит меня полный ужаса женский вопль. Вскрываю с полки и в два прыжка оказываюсь в коридоре.

Подтянутая дама в аккуратной пижаме отчаянно кричит, закрывая лицо ладонями. К ней уже подбегает проводница:

— Что случилось? Вам плохо?

— Он... он... — бормочет дама, не отнимая ладоней от лица. — Что он со мной сделал?

— Кто — он? Что сделал? Что случилось? — бессмысленно кудахчет проводница.

Дама опускает руки. Вздрагиваю: над ее лицом словно поработал безумный авангардист, до смерти ненавидящий все живое. Нос свернут набок, щеки страшно перекорежены, один глаз закрыт сползшей со лба кожей... Крови при этом ни капли, и синяков нет. Даром?

Из закрытого купе раздается ор — мужской голос:

— Си-идеть, твари! Дернетесь — изувечу! Рожа набок съедет...

— Он пьяный, — всхлипывает дама. — Я ему... замечание сделала, а проснулась уже вот такой... Господи, ужас какой! За что мне это...

— Сейчас-сейчас, полиция уже идет из штабного вагона, — суетится проводница, как будто изуродованной даме это чем-то поможет.

Спрашиваю:

— Есть еще пассажиры в купе?

— Да, вагон полон... — растерянно отвечает проводница. — Две девчонки там. И полтора часа до крупной станции со спецназом...

Вбегают полицейские, один из них волокет стальной противодарный щит.

— Кто сюда сунется, изувечу! — орет мужик в купе. — А если со щитом попретесь, то по одной из этих шалашовок вдарю! Вот стечет рожа ейная набок — будет знать, как задницей вертеть!

Из-за двери доносятся женские рыдания. Какой же мерзкий у этой гниды Дар...

— Может, он блефует? — тихо спрашивает один из полицейских. — Сколько может идти восстановление такого Дара?

— Вы когда ему замечание сделали? — спрашивает даму проводница.

— Как только поезд отправился... Он сразу достал водку свою вонючую.

— Шесть часов прошло, значит...

Хреново. За шесть часов такой Дар вполне мог и восстановиться. Формально это не такое уж мощное физическое воздействие — фатального вреда здоровью нет; вряд ли учитывается, сколько значит лицо для человека, тем более для женщины.

— Через полтора часа станция, — говорит полицейский, прижимая к себе щит. — Эвакуируем вагон, пустим газ...

Из купе раздаются рыдания и мужской ор:

— Сидеть, шлюха! А то ка-ак изуродую! И так косорылая, а станешь еще краше!

Так, ясно-понятно, полтора часа ситуация не продержится. Только бы этот говнюк не ударил с перепугу по заложницам... но придется рискнуть. Вызову огонь на себя, благо мне-то что делается. Говорю проводнице:

— Давайте ключ.

— Он же вас... ну эта... по вам ударит, — бормочет женщина.

Некогда объяснять. Подмигиваю:

— Ничего, я ж мужик, мне не страшно. Меня девки не за морду лица любят. Давайте ключ, а то этот псих девчонок изувечит. А отвечать-то вам!

Последний аргумент действует. Полицейские неуверенно кивают, и проводница отпирает дверь. Резко отодвигаю створку в сторону, шумно вваливаюсь и ору:

— Что, тварюга, только с бабами воевать можешь?!

Все тарашатся на меня. Слева — две вжавшиеся в стену девчонки, справа — расхристанное лохматое чмо. Это очень хорошо, что лохматое. Хватаю придурка за шевелюру и со всей силы бью лицом сперва о столик, потом об оконную раму. Еще раз, и еще. Он пытается дергаться, но куда пьяному дегенерату против боксера-разрядника? Чувствую движение за спиной — девчонки догадались убежать, молодцы.

Ору проводнице:

— Дверь! Закрывай дверь, дура!

Снова прикладываю подонка об оконную раму — на этот раз затылком. Не в полную силу — нет задачи пробить ему череп все-таки. Хорошо бы оглушить, но тут я не спец. Любой парень из команды Ветра точно рассчитал бы, но я рисковать не буду. Убьешь еще случайно эту гниду — доказывай потом, что не превысил необходимую самооборону.

Отбрасываю пьяного придурка на его полку. Вытираю руки казенной простыней. Псих скулит и шевелится. Эх, все-таки не оглушил я его. Что ж теперь, караулить полтора часа до станции, чтобы еще кого не изуродовал? Купе, наверно, снаружи не запирается, не тюремный вагон чай. А так хотелось выспаться в дороге...

Пьянь шевелится, поворачивает ко мне лицо. С удовлетворением отмечаю, что выглядит он ненамного лучше дамы из коридора. Бедная женщина, надеюсь, эти жуткие спецэффекты временные... или по крайней мере РЖД оплатит ей пластическую операцию.

— Лежать, мразь! Попробуешь встать — получишь вторую порцию.

— Т-ты что такое?.. — бормочет мужик. — Т-тебя же нет, тебя н-нету... Тебя не должно быть.

Похмельный бред... или нет? Да, значит, он успел вмазать по мне своим гнусным Даром. Сам-то я использовал Дар на свободной от Дара всего однажды, будучи пьяным в стельку, потому плохо помню свои ощущения. Но в Штабе мою устойчивость тестировали много раз, и применявшие на мне Дар так описывали этот эффект: ты словно бы поднимаешься по лестнице в полной уверенности, что сейчас будет очередная ступенька — а ее нет, и усилие уходит в пустоту. Бойцы чуть иначе формулировали: бьешь по груше со всей силы, а она раз — и голограмма.

Но важно, что Дар у них при этом расходовался, время восстановления запускалось. Так что можно спокойно идти досыпать — в ближайшие часы пьяный хулиган ни для кого не опасен. Надеюсь, после сегодняшнего его упекут надолго. Это как же надо ненавидеть людей, чтобы именно желание уродовать их оказалось самым сильным, хотя бы даже на одни сутки...

Глава 3. Семья — это навсегда

Февраль 2030 года

Выспаться все-таки не удалось — едва я заснул, поезд прибыл на станцию и вагон эвакуировали. Объяснять хмурым ростовардейцам, что пьяное чмо не представляет опасности для меня, а скорее всего, и вовсе ни для кого пока, было не с руки. Пришлось битый час топтаться на продуваемом всеми ветрами перроне, пока суровые парни с бронированными щитами выводили опасного преступника. Хорошо хоть за его избиение мне никто ничего не предъявил. Как бы формально гражданские права есть у всех, но фактически у тех, кто уродует людей Даром, их существенно меньше.

Так что на знакомую с детства вокзальную площадь я вышел, отчаянно зевая во весь рот, и сразу взял в киоске большую порцию кофе. Когда я уезжал, сугробы были белыми, а теперь сморщились и почернели. Пешеходы, матерясь себе под нос, обходили покрытые наледью лужи. А вот тут раньше был ларек с шаурмой, куда, интересно, он делся?

Никогда в жизни я не покидал родной город на такой долгий срок. В отпуск уезжал на две, максимум на три недели, командировки были и того короче. Много где побывал, но всегда возвращался. В столице, конечно, и зарплаты жирнее, и карьерных перспектив побольше, и в целом жизнь интереснее, но родные перди я ни на что не променяю. Как отец покойный любил говорить — где родился, там и пригодился.

Сперва собирался сразу с вокзала ехать к маме с Олегом, но узнал вчера, что брательник до сих пор наблюдается в дневном стационаре с диагнозом «нервное истощение». Он уже идет на поправку, но курс лечения мы решили не прерывать — встретиться можно и вечером. Так что с корабля я еду на бал, то есть на любимую работу.

В своем кабинете застаю Катю, уныло собирающую вещи. Уже и забыл, что разрешил ей, пока меня нет, занять эту комнату — чего помещению зря простаивать? И не подумал, что отправлять ее после этого назад в общее рабочее пространство — такое как бы понижение в статусе.

Наверно, я много о чем не думал там, в Москве. Теперь все придется разгрести. Предлагаю:

— Давай этот стол к окну сдвинем, а для меня новый поставим. Места тут много, на двоих хватит.

Потом надо будет новое помещение подыскать... если средства в бюджете найдутся. В последнюю пару месяцев с прибылью так себе было.

Катя сразу веселеет и отчитывается о текущих делах. Они вроде идут, но ни шатко ни валко. Заказы поступают, распределяются и более-менее выполняются, а прибыль медленно, но верно падает. Растет доля заказов, на которые сотрудник выезжал, но так ничего и не нашел. Раньше я в таких случаях сам разбирался, мы вместе с заказчиком думали, где еще можно поискать. Неудачно получилось еще, что прямо перед отъездом я перевел ключевых сотрудников в штат — расслабились на гарантированном окладе, а любимого начальника с живительными пенделями рядом не было. Зарплаты полностью съедали нашу прибыль, а в прошлом месяце мы даже ушли в пусть незначительный, но минус. Что поделать, конец света не согласовывает сроки с моими рабочими планами.

Генка-Паровоз неплохо вписался в наш маленький коллектив в роли шофера, разве что его неизменная шутка «услуга — некурящий водитель» всем плешь проела. А вот с тремя кандидатками в секретарши Катя поладить не смогла. Первая заступила на пост еще при мне, но присмотреться к ней я не успел, вторую и третью даже не видел.

— Кать, ну что тебя в них не устроило?

— Да они же вообще необучаемые! — Катя закатывает глаза. — Одна все время говорила «минуточку» вместо «одну минуту, пожалуйста». Вторая бросала трубку, когда ей хотелось — а при общении с клиентами первой заканчивать разговор нельзя! Третья в переписке ладно бы эмодзи ставила через слово — просто отправляла клиентам сообщения из одних эмодзи. Клиент пишет «ваш сотрудник опаздывает» — а эта ему набор рожиц присылает вместо ответа. Тогда я уже пожалела, что с первой мы расстались, она еще относительно ничего была... Звонила ей даже, но она уже другую работу нашла.

— Не переживай, так часто бывает.

— Блин, Саня, ну как с такими дурехами работать? Ни одна даже инфу по заказу не могла записать нормально, приходилось самой клиентам перезванивать. Для последней, третьей, даже акты по номерам разложить оказалось непосильной задачей.

Вздыхаю. Катя очень хороший секретарь, но вот опыта руководящей работы у нее нет. Не бывает совершенных людей — никто не знает этого лучше, чем руководители.

— Ты замечательно справляешься, Катя, но все-таки нужно тебя разгрузить. Давай в следующий раз вместе проведем собеседование и...

Нас прерывает долговязая молоденькая девушка, вваливающаяся в кабинет без стука. Это Лиза, она у нас занимается поиском пропавших животных. Лиза уже поступила на первый курс, но удобную подработку сохранила... и вроде собиралась сохранять дальше. Но что-то, похоже, пошло не так.

Веки у девочки опухшие, кончик носа красный, губы дрожат... плакала она, что ли?

— Я увольняюсь, — всхлипывает Лиза. — Прямо сейчас. Не могу больше! Что подписать надо?

— погоди, присядь. Расскажи, что случилось. Кто-то обидел тебя? Заказчик нахамил?

Обидеть физически ее не могли — Лиза всегда выезжает с водителем, а Генка девчонку защитить сможет. Разве что нагубили, тут уж Генкины кулаки не помогут...

— Да при чем тут заказчик, — Лиза шмыгает носом. — Заказчики нормальные там, они и сами чуть не плакали. Дети так и вовсе рыдали в голос. У них... славный щенок... был. Они мне записи показывали, как играли с ним. Он такой веселый, такой добрый, так их любил... спаниель, ирландец. Девочка, Венди ее звали.

Переглядываемся с Катей. Да, это естественный риск, когда занимаешься поиском пропавших животных. Часто они находятся, и это радость и для заказчика, и для исполнителей — у нас же тоже есть сердце, да и гонорар радует, что уж там. Но бывает, что разыскать животное не удастся — живым, по крайней мере. Что ж, такова жизнь, мы-то сделали все, что смогли... Но наша Лиза слишком чувствительна и принимает каждый такой случай близко к сердцу.

— Я ее не нашла-а... — Лиза от всхлипываний переходит к рыданиям. — Мы с Генкой два дня по окрестностям ездили. Все поселки вокруг прочесали, даже ферму с этими, как их, коровниками. И в лес ходили, и вдоль речки, и в овраги лазили. Нигде ее нет!

Перевожу дыхание. Тела собаки не нашли, значит, надежда еще есть. Надо посмотреть на карту и понять, какая зона могла выпасть из поисков.

— Я не буду этим больше заниматься, не буду! — плачет Лиза.

Показываю Кате глазами на дверь. Та обнимает девушку за плечи:

— Пойдем-ка мы с тобой умоемся...

Остаюсь один. Барабаню пальцами по столу. От жеж... Лиза — наш основной сотрудник по этому направлению. Второй, пенсионер с забавным именем Владимир Ильич, добрый дядька и ответственный, вот только здоровье уже не то: в машине он поездить может и по участку, кряхтя, походит, а вот лазить по лесам да оврагам ему неважно. Мог бы здоровья себе пожелать в Одарение, а вместо того о любимом коте тревожился. А животные часто теряются именно в пригородах. Плохо, если Лиза сейчас уйдет — у нас и так прибыль просела. И я ведь уже проверял по полицейским базам — нет больше никого с таким Даром в нашем городе.

Возвращается Катя:

— Лизвета уперлась и ни в какую. Говорит, не может больше заниматься поисками. Очень жалко ей того щенка.

— Так, отставить сопли размазывать. Я сам поеду, поговорю с заказчиками. Разберусь, где еще можно поискать эту собаку.

— О, пойду Лизе скажу, — подскакивает Катя. — Она сразу успокоится, вот увидишь. Когда ты берешься за дело, все быстро налаживается.

Хотел бы я разделять ее уверенность... Никто из сотрудников пока не знает, что их начальник теперь лишен Дара. И я чувствую себя так, словно пришел на перестрелку с ножом.

Я, конечно, в детстве мечтал заделаться настоящим детективом. Но это было где-то между фантазиями о том, чтобы стать человеком-пауком и планом основать свою айтишную мегакорпорацию. Уже в начальной школе я четко осознавал, что служба в реальной полиции совсем не так героична, как в кино — она требует жесткой субординации и умения работать с документами даже в большей степени, чем с людьми. Если бы я уже во взрослом возрасте попытался об этом забыть, Леа со своим нытьем на тупое начальство и бесконечные бумаги не позволил бы.

Только Одарение дало мне возможность расчихлить детскую мечту. И то я решил для начала откусить кусок, который смогу проглотить. Открыл поисковое агентство, а не детективное, потому что таланты свои не переоценивал. Даже с учетом Дара я отнюдь не гений психологии или дедукции. А когда банальный поиск потерянного перерастал все же в расследование, я всегда, каждый раз выезжал на Даре. Которого больше нет.

Честно говоря, отправиться к заказчику и разобраться я пообещал на автопилоте — наверно, беспокойная ночь сказалась. Но назвался груздем — полезай в кузов. И на завтра не перенесешь — щенок пропал три дня назад, а в таких делах счет может идти на часы.

Звоню заказчице — она согласна принять меня прямо сейчас. Хорошо, что верный фордик остался на парковке у офиса и завелся с первой попытки. Десять лет машине, бампера на стяжках держатся — ну не автолюбитель я, что поделаешь. Утилитарно к тачке отношусь — ездит себе и ладно. Несмотря на это, она меня редко подводит. Ни дать ни взять преданная жена при ветреном муже. Средства позволяют сменить ее на новую, но как-то я привык к этой.

По пути останавливаюсь перекусить и на скорую руку с телефона навожу справки о заказчице. Имя у нее непростое — Алевтина, и сама она дама непростая — владелица небольшой сети автосалонов; серьезный бизнес, не женский. Район проживания соответствует — это самый дорогой коттеджный поселок в ближнем пригороде. Алевтина в свои почти полвека ухоженная, подтянутая, стильная. Не выглядит акулой бизнеса, как Мария, черты лица мягкие, чуть поплывшие — но настоящие акулы как раз обычно и не выглядят акулами. Нахожу семейные фотографии — красавец-муж и трое деток: шесть, восемь и семнадцать лет. А вот и пропавший щенок — кудрявая рыжеватая шерсть, подвижные висячие уши, карие глаза смотрят на мир с любопытством и доверием. Ну чем не идиллия? Разве что муж слишком уж молод. Ну да, все дети у Алевтины от предыдущих браков, а этот крендель, Евгений, ей в сыновья годится — шестнадцать лет у них разница в возрасте. Пышная свадьба прошла три года назад, когда бизнес уже вовсю процветал. Ясно-понятно, любит бизнес-леди покупать дорогие игрушки, благо средства позволяют. Детям вот собаку приобрела, а себе — красавчика Женю. Однако что-то у них пошло не так.

К воротам поселка подъезжаю морально готовым к долгим и унылым переговорам по интеркому — как обычно в таких местах; но створки распахиваются, пока я еще метрах в ста, охранник вежливо здоровается и объясняет дорогу к нужному дому, хотя она отлично видна на навигаторе. Вот как оно, значит, у элиты.

Коттедж под черепичной крышей выглядит так, словно сошел с глянцевых страниц журнала — и семья в оборудованной камином гостиной тоже, но только на первый взгляд. Млад-

шие девочки заплаканы. Старший мальчик глядит волком. Красивенький альфонс Женечка непрерывно сплетает и расплетает тонкие пальцы. Алевтина смотрит на все это хмуро, на ее лбу проступают морщины — а ведь наверняка лицо подтягивала...

Разбавляю бытовую драму рутинными следственными действиями. Расспрашиваю, как был организован уход за собакой, кто за что отвечал, кто видел ее последним. Ничего нового выяснить не удастся — все уже записано аккуратной Катей в карточке заказа. Венди пропала между шестью и девятью часами вечера, мать семейства была на работе, все прочие — дома.

Это все уже известно и ничем на данный момент не помогло. Больше меня интересует сама семья, отношения в ней. Видно, что они далеки от глянцевої журнальной картинки. Младшие дети жмутся не к отчиму и даже не к матери — к брату и друг к другу. Евгений явно нервничает и смотрит в сторону, отвечая на вопросы. Старший сын, Никита, даже не пытается скрыть агрессию — он демонстративно не снимает наушников, хотя музыки в них нет. Алевтина выглядит смертельно от этого всего уставшей.

— Я сколько тебе повторял — закрывай калитку! — накидывается отчим на пасынка. — Иними наушники наконец, когда с людьми разговариваешь!

— Себя лучше повоспитывай! — огрызается Никита. — Тебе Венди даже и не нравилась! Как ты на нее орал, когда она мокасины твои вонючие сгрызла!

— Ничего не вонючие, новые совсем итальянские мокасины! И я всегда дверь в гардеробную закрываю, не знаю, кто там шляется и зачем!

— Так, хватит! — восклицает Алевтина. — Я этого щенка купила, чтобы у вас у всех появилось общее дело и вы наконец перестали бесконечно между собой собачиться! А вы что устраиваете?! Нет бы поддержать друг друга! Сил моих больше нет! На работе дурдом — главный бух без предупреждения вышла на пенсию и уехала в Аргентину, поди найди нового надежного человека! Прихожу домой — а тут вы с вашими склоками!

Младшие дети с новой силой начинают хныкать. На меня накатывает горячая волна головной боли — слишком высокая концентрация слез вокруг за последние сутки.

— Пожалуй, у меня больше нет вопросов.

Ни черта я не выяснил, но явно от этой семейки сегодня толку больше не будет. Да и от меня, если начистоту.

Никита выходит провожать меня к воротам, хотя вроде они автоматические и открываются с пульта.

— Пожалуйста, не надо больше приезжать, — тихо говорит он. — Не найдете вы Венди. Только малышня зря расстраиваете.

— Почему ты так думаешь? Если щенок нашел укрытие, он может быть еще жив. А может, его кто-нибудь приютил.

— Нет. Говорю же, не надо больше искать...

— Да что случилось? Говори прямо.

Парень молча качает головой. Черт, холодно стоять на ветру...

— Если ты хочешь, чтобы я прекратил расследование, объясни мне, почему его следует прекратить.

— Потому что... ну, в общем, нет больше Венди.

— Ты знаешь, что с ней случилось?

— Женечка с ней случился. Отчим мой. Со всеми нами он случился, а с Венди — больше всех. Короче, мы в Италию в марте собирались поехать. Вместе, всей нашей большой счастливой семьей, — мальчик криво усмехается. — Мать билеты взяла, гостиницу забронировала. А потом выяснилось, что с Венди в салон самолета нельзя, а в багаже везти — стремно. Малышня без нее отказалась ехать, вот мать и намылилась сдавать билеты. А Женечка уже губу раскатал, как он по еврораспродажам будет гулять с маминой кредиткой. Своих-то денег у него ни шиша.

— И куда, по твоей версии, он мог деть собаку?

Мальчик хмуро смотрит в сторону:

— Я сам видел, как он пытался утопить Венди в бассейне. Бросал ее туда, она барахталась... Я вошел, и он тут же нырнул за ней, будто просто играл.

— Почему ты не рассказал матери?

— Да что ей расскажешь... Она кипятком писает от этого пижона. Ничего плохого о нем и слышать не хочет. Так что вы уезжайте, пожалуйста. Честное слово, нечего тут искать.

В машине включаю печку на максимум и все равно долго не могу согреться. Ну и семейка... На работу сегодня больше не поеду. Хватит уже, наработался.

Меня ждет моя собственная семья.

— Мам, сваргань мне кофейку, а? — гундит Олег.

Мама вскакивает со стула и бежит к кофе-машине. Я вскидываюсь:

— Да ты офонарел, Олежа! Сам жопу от стула оторвать не можешь? Тебе же не три года!

Брательник обиженно надувает губы. Мама, как всегда, вступается за него:

— Олег еще не до конца поправился. Мне совсем не трудно поухаживать за больным ребенком, Сашенька. Наоборот, приятно... я снова чувствую себя нужной.

— Мама, Олег не ребенок! Здоровенный лось, на нем пахать можно. И он никогда не повзрослеет, если ты так и будешь вкруг него кудахтать...

Злюсь не столько на Олега, сколько на самого себя. Весь последний год я себе внушал, что как только верну брата домой, все тут же станет хорошо — само собой, неким волшебным образом. Это будет счастливый конец нашей истории, мы все заживем долго и счастливо. И я совсем не учел, что чудесное спасение Олега не решит тех его проблем, которые и создали эту ситуацию. Нет, играть в компьютер он перестал, но в остальном так и остался расхлябанным, беспомощным великовозрастным дитятком. Можно вытащить человека из-за грани бытия, почти что с того света, а вот изменить — невозможно. Тут одинаково бессильны и Дар, и свобода от Дара, и вся королевская конница, и вся королевская рать.

— Ой, я же ужин Феде не приготовила, — подхватывается Оля. — Простите меня, совсем голову потеряла, как Саша вернулся... Так что я поеду домой сейчас, вы уж не обижайтесь...

Встаю:

— Отвезу тебя. Денек тот еще выдался, домой пора...

— Сколько Феде лет, девять? — встревает Олег. — А, десять уже? И что, он сам себе яичницу пожарить не может?

— Кое-кто и в двадцать семь для себя сделать ничего не может!

Да что это с Олегом? Ревнует к Федьке, что не он теперь baby of the family — малыш в семье?

— А я так надеялась, что вы не будете больше ссориться... — качает головой мама.

Открываю рот, чтобы ответить, что я ни с кем не ссорился, это Олежа берега путает. Но Оля уже в прихожей, надевает сапожки, и я выхожу, чтобы подать ей дубленку. Самый тяжело больной в мире Олег, естественно, не удосуживается проводить брата, вернувшегося с секретной миссии по защите Родины. Ничего я, правда, за эти полтора месяца не защитил, бездарно казенные харчи проедал; но об этом-то я никому не рассказывал — секретность.

Надо, конечно, с Олегом поговорить по душам. Как он себя чувствует после всего, чем думает дальше заниматься... ну и так, что вообще произошло. Поиски свободных от Дара идут по всей стране, наверняка найдут кого-нибудь, и Олег окажется не особо нужен Штабу. Конечно, смотря сколько и кого найдут... Но ведь почти кто угодно полезнее, чем Олег.

В общем, надо поговорить с братом, но сегодня все равно вышло бы скомкано — он болеет еще, а я чертовски устал.

— Ты знаешь, почему твоя мама получила Дар к починке вещей? — спрашивает Оля уже в машине.

— Да вроде что-то хотела починить... чайник этот дурацкий, да.

— Она хотела что-то починить. Не только чайник. Но никто не может менять других людей...

— Да уж. Даже не знаю, что должно случиться, чтобы Олежа наконец повзрослел и взялся за ум...

Хорошо, что мы рано ушли, а то, я, пожалуй, наговорил бы лишнего. Странно, конечно, что Оля не приготовила ужин — это вообще на нее не похоже.

— А Федьке действительно нечем ужинать?

— Есть, он поел уже. Я соврала, — просто отвечает Оля. — Нужен был предлог тебя увести пораньше. Ты уставший, раздраженный, а отношения у вас и так непростые. В другой день вы лучше поладите.

— Спасибо...

Оля кладет мне руку на бедро. Сквозь плотную ткань джинсов чувствую тепло ее ладони.

Телефон оттягивает карман куртки. Каждое мое слово прослушивают — таковы издержки новой работы.

— Оль, я должен кое-что сказать...

Чувствую, как ее рука, только что поглаживавшая мое бедро, напряглась и замерла. Чего она боится? Что я стану каяться в связях с другими женщинами? Нет, у меня кое-что посерьезнее.

— Я не знаю, когда меня в следующий раз вызовут на эту новую службу. Может, завтра, может, через год, может, никогда. В любом случае я не имею права ничего про нее рассказывать. Ни тебе, ни маме, ни Лехе — никому. Понимаешь меня?

— Да, конечно. Со мной уже беседовали, приходили из органов, — спокойно отвечает Оля. — Очень вежливый молодой человек.

Надо же, меня ни о чем таком не предупреждали!

— И что он сказал?

— Сказал, я ничего не должна у тебя спрашивать и никому не должна рассказывать, когда и куда ты уезжаешь. За меня не волнуйся, Саша. Я же знаю тебя, потому понимаю: чем бы ты ни был занят, это важное и нужное дело. Никаких вопросов — так никаких вопросов. Моя задача в том, чтобы у тебя был дом, в который ты всегда сможешь вернуться.

Рука на моем бедре снова ожила. Вроде ничего уж прямо такого Оля не делала, но мое тело отозвалось с энтузиазмом — в штанах стало тесно. А до дома еще минут двадцать ехать... И хрен с ней, с прослушкой. Пускай дежурные лопнут от зависти.

— У меня тоже есть ужасная секретная тайна, — сказала Оля страшным шепотом. — Очень порочная. Я купила то мороженое с шоколадом и печеньем.

Приторно-сладкое, откровенно химическое буржуйское мороженое, вредное, как пестицид — моя тайная греховная слабость. К нормальному сливочному мороженому я почти равнодушен, а эту гадость почему-то люблю до чертиков. Конечно, во имя здорового образа жизни я ее избегаю, однажды в супермаркете повертел в руках яркую круглую баночку и волевым усилием поставил на место — а Оля, надо же, запомнила.

— Что же, значит, предадимся безудержному пороку... Раз в год можно. И еще. Оль, давай прямо сегодня подадим заявление. Кажется, для этого никуда идти не надо, через Госуслуги это делается.

Оля приоткрывает рот от изумления:

— Какой ты внезапный... Это что же, уже через месяц свадьба?

— Ну а чего тянуть? Не знаю, когда мне в другой раз придется уехать.

У этой спешки есть причина, о которой мне не хочется говорить Оле прямо. Если меня вызовут на Прорыв, неизвестно, вернусь ли я с него; мы даже не знаем, действительно ли я неуязвим к этим мутировавшим Дарам. В любом случае пуля или кирпич в голову действуют

на меня так же, как на любого человека из плоти и крови. Спокойнее будет знать, что Оля — официально моя жена, а значит, родное государство о ней и Феде позаботится. Да и доля в моем имуществе им лишней не будет.

— Может, если бы не этот момент, я бы до сих пор жевал сопли. Достаточно ли у нас с Олей настоящая любовь? Что у меня там за чувства к другой женщине? Чего я вообще на самом деле хочу от жизни?.. Но сейчас не до мерихлюндий. О близких людях надо позаботиться, точка.

— Или тебе нужно больше времени на подготовку к свадьбе?

— Нет-нет, наоборот, я хочу все как можно проще... Расписаться, посидеть где-нибудь с родственниками и вернуться к делам. Но, Саша, кажется, я допустила ужасную ошибку...

— Что такое?

— Ну, в общем, я не думала, что все так серьезно... Тут Наталья твоя в гости приходила, и я ей брякнула, что мы планируем пожениться. Честное слово, не знала, что она так отреагирует. Она чуть с ума не сошла от радости. Теперь каждый день присылает мне ссылки на платья, декор, сценарии какие-то... Кто будет шафером, кто — подружками невесты, словно вопросы жизни и смерти какие-то. Дресс-код еще какой-то, господи боже мой. Прости, я бы ни за что не сказала ей, если бы знала, что для нее это такое большое дело.

— Не переживай. Наталья все равно узнала бы. Еще и обиделась бы, что мы ей не сказали сразу. Впрочем, ее прыти это не умерило бы.

Свадьбы были у моей сеструхи пунктиком. На собственную она взяла кредит, который отдавала еще пару лет после развода. Мы очень скромно тогда жили, но Натахе кровь из носа понадобились лимузин, ресторан, платье-торт, собственно торт из трех ярусов и бог знает что еще. Вышел эпический фейл: жених сам был из быдланов и его друзья такие же, так что один из них наблевал в торт, другой чуть не изнасиловал свидетельницу в туалете. Однако ничего не охладило энтузиазма моей сестрицы: ни это трэш-шапито, ни тот факт, что брак не продержался и года. За свадьбу каждой подружки и даже просто знакомой Натаха переживала больше, чем жених и невеста вместе взятые. И вот наконец-то женится родной брат, то есть на Натальиной улице перевернулся грузовик со всякими свадебными финтифлюшками...

— Не переживай, Оль, разберемся как-нибудь. Буду постоянно деликатно напоминать Наталье, что это не ее свадьба. Главное — ты согласна стать моей женой?

— Дай подумаю... — Оля забавно закатывает глаза. — Можно, почему бы и нет.

— Через месяц?

— Ну а чего тянуть кота за хвост?

Подъезжаем. Паркую машину. Поднимаемся в лифте, заходим в квартиру. Прикрываю глаза и вдыхаю едва заметный запах специй, свежемолотого кофе и травок, мешочками с которыми Оля перекладывает постельное белье.

Наконец-то я дома.

Глава 4. Надо разговаривать друг с другом

Февраль 2030 года

Катя уже раздобыла мне за символическую плату рабочий стол — не новый, но во вполне приличном состоянии. Таких много пылится в подсобках — разоряющиеся конторы бросают в бизнес-центре свое имущество. Экономия сейчас как нельзя кстати, а то как бы мебель моей фирмы не пополнила эту коллекцию разбитых надежд.

И хочется уже погрузиться в текучку, но сперва нужно как-то закончить дело о пропавшем щенке. Вот как оно вышло: в команду, которая ищет организатора Прорыва, меня не взяли, значит, займусь поисками щенка. Их надо либо прекратить, взяв с заказчика накладные расходы, либо продолжить — но каким образом? Карты я посмотрел вчера и сегодня еще раз свежим взглядом — все области, куда щенок мог убежать, Лиза обошла. Соседние поселки тоже — Дар Лизы пробивает стандартные десять соток, а более обширных территорий за одним забором там нет. Значит, если собака жива, ее куда-то увезли.

Похож ли смазливый альфонс Женечка на человека, способного хладнокровно убить очаровательное домашнее животное? Всякое, конечно, бывает. Насмотрелся я на людей, которые оказываются не тем, чем выглядят. Но все-таки на насилие над кошечками и собачками в нашей культуре есть мощное табу. Один знакомый сценарист рассказывал, что в фильмах с рейтингом 18+ допустимы и желательны все виды насилия над мужчинами, женщинами и иногда даже детьми, однако домашние питомцы неприкосновенны. Сколько людей гибнет каждый день насильственной смертью, и никому, кроме их близких, нет дела? Однако каждый получивший огласку случай гибели кота или собаки заставляет интернет полыхать неделями. Говорят, это давняя традиция. Что поделаться, невинным животным мы сочувствуем больше, чем... животным вида *Homo Sapiens*, как сказала бы Аля.

Скорее уж Женя куда-то увез собаку. В приют, например, сдал. Еще два месяца назад я прояснил бы этот момент в минуту — «скажи как есть». А вот как действовать теперь? Наверняка Мария с ее Даром аналитика и собственными, что уж там, мозгами могла бы нарыть в соцсетях много подробностей про эту семью. Обратиться к ней? Ну нет, не вопрос жизни и смерти же! В смысле — человеческой жизни и смерти, мы пока еще приоритетнее животных... других животных.

Мария... За время моей затянувшейся командировки мы разговаривали всего три раза, не голосом даже — текстом. Всегда строго по делу — согласовывали обмен услугами. Она не написала ни слова помимо того, что необходимо, и я тоже. Набирал пару раз и тут же стирал. Повторял себе, что это все к лучшему, я же жениться собираюсь. Разве я хотел бы, чтобы Мария начала ко мне липнуть? Признаваться, не дай бог, в каких-то чувствах? У нас же легкая, ни к чему не обязывающая связь, просто секс, ничего личного! Что может быть проще и понятнее?

И все-таки сдержанность Марии меня уязвляла. После возвращения я ее еще не видел, да и не знал, хочу ли видеть.

Ладно, это все потом. Сейчас надо искать щенка. Для начала — раскопать, что есть по этой семейке. С чего начала бы Мария? Изучила бы все открытые материалы по фирме, сверяя официальные данные с тем, что есть в соцсетях, в отзывах, на «желтых» ресурсах...

Час спустя довольно четко понимаю одно: случайных людей в руководстве фирмы Алевтины не водится. Рабочих, технический персонал и девочек на ресепшн набирают по объявлениям, но менеджмент, юристы, отдел продаж, бухгалтерия — там плотненько сидят свои: родственники, одноклассники, институтские друзья. Не такая уж редкость для российского бизнеса. На сайте можно полюбоваться на фотографию главбуха, скоропостижно отбывшего в Аргентину — и, разумеется, никакой открытой вакансии. Какое, казалось бы, это имеет отношение к пропаже собаки? А самое прямое.

У меня предусмотрительно зарегистрировано несколько «левых» аккаунтов в разных соцсетях. Нахожу в одной из них метросексуала Евгения и пишу ему:

«Добрый день. Ваша супруга ищет главбуха. Предлагаем вам кандидатуру, которую вы рекомендуем. За вознаграждение».

Четверть часа спустя Женечка отвечает:

«Кто это?»

«Анонимный спонсор».

Женя набирает сообщение, но ничего не отправляет. Так проходит минут десять. Пытаюсь ускорить процесс:

«Триста тысяч».

Альфонс решается быстро:

«Пятьсот. Наличными».

Надо же, оказывается, живительный компромат вполне реально добывать и без моего утраченного Дара.

«Сегодня же» — раздухаряется Женя.

Отлично.

«Где встречаемся?»

«В “Конфетнице” на улице Степана Разина. Через час».

Женя уже ждет за маленьким круглым столиком, перед ним стоит навороченный слоеный коктейль. Увидев меня, альфонс спадает с лица.

— Вы же... Разве вы?

Самодовольно ухмыляюсь:

— Я да, я очень.

Подскакивает официанточка:

— Что будете заказывать? У нас новый арбузный латте со взбитыми сливками...

— Двойной эспresso. Без молока, сахара и прочей дребедени.

— Послушайте, вы все неправильно поняли, — заводится Женя, едва официантка отходит. — Я просто хотел выяснить, кто пытается внедриться в фирму моей жены.

— Ну да, разумеется. Полагаете, Алевтина так и подумает, когда увидит скрины переписки?

Женя вертит в руках ложечку:

— Чего вы хотите?

— Не поверите, я хочу всего-то выполнить свою работу. Расскажите, что вы сделали со щенком. С Венди.

— Я? С Венди? Да чего это вы, в самом деле? За кого вы меня принимаете?

Возмущение альфонса выглядит совершенно искренним — зрачки расширяются, голос чуть дает петуха; но как знать, может, артистизм — необходимый навык в его профессии. Не отвечаю, просто не свожу с него тяжелого, равнодушного, чуть утомленного взгляда. Нахватался приемчиков за полгода службы в полиции.

— Послушайте, ну что вы... Я никогда бы не навредил живому существу. Для меня даже червяка убить — проблема, потому с детства ненавижу рыбалку эту всю... А Венди была такая душка. Ну давайте вы сотрете диалог, пожалуйста? Я вам заплачу, кредит под залог машины возьму, она на меня оформлена...

— Не нужно мне денег. Я не вымогатель. Просто расскажите, что случилось с собакой.

Женя сникает:

— Я могу сказать, но вы же не поверите. Никто не поверит...

— Говорите.

— В общем, я видел, но Алевтине рассказывать не стал. Она и слушать не будет — души не чаёт в сыночке-корзиночке. А этот избалованный мажор совсем с катушек слетел.

— Что Никита сделал?

— Унес щенка из дома. Даже не в переноске — в спортивной сумке. Я не стал спрашивать зачем — он со мной не разговаривает. Не может простить, понимаете ли, что я краду у него внимание матери... Он — оборзевший эгоист, ему нет дела до того, что Алевтина — женщина, у нее есть потребности. Она хочет чувствовать себя любимой и желанной, это нормально...

— Меня это не интересует. Я знаю, что вы пытались утопить Венди в бассейне.

— Утопить!? — Женя таращится на меня во все глаза, потом внезапно прыскает и заходится в смехе. — Извините... Очень уж... неожиданное предположение... и, не обижайтесь только, нелепое. Да, я занимался с Венди плаванием. Ей это необходимо для развития. Знаете, как полностью называется порода? Ирландский водяной спаниель. Господи, у них даже селекция идет по перепонкам на лапах. Утопить, скажете тоже!

Девушка ставит передо мной чашечку горького кофе, которого, признаться, мне совершенно не хочется.

Смех относится к тем реакциям, которые довольно трудно подделать. Похоже, что-то не то я гуглил. Акела промахнулся... Сыщик без Дара — все равно что топор без топорщицы.

— Так вы удалите переписку? — уже серьезно спрашивает Женя.

— Да, разумеется. Не беспокойтесь, счет я оплачу... А где сейчас Никита, вы знаете?

— Как не знать... — Женя достает телефон. — Он меня на ноль множит, а я беспокоюсь о нем, засранце... Вот, отслеживаю. У подружки он своей, на Молодежной. Адрес скину сейчас...

Дом на Молодежной — обычная панелька, никакого глянца. Парковочных мест, естественно, нет. Убираю чье-то самопальное ограждение из пустых пятилитровых канистр и втискиваюсь между грязными сугробами. Жду, борясь с сонливостью.

Может, разговорить метросексуала Женю удалось бы без компромата и шантажа? За год с Даром я привык во всех непонятных ситуациях действовать по этому алгоритму. Теперь повторяю его на автопилоте, даже не рассматривая другие варианты. Точно ли я хороший сыщик?

Сорок минут спустя из подъезда выходит Никита. На поводке он ведет Венди. Щенок тявкает, нетерпеливо нарезает круги, потом напрыгивает на хозяина, оставляя следы лап на белых джинсах. Никита садится на корточки, треплет собаку за ушами.

И почему у нас с Олей до сих пор нет своей собаки? Вот разгребусь немного с делами — поговорю с ней об этом.

Выхожу навстречу Никите:

— Молодец. Очень умно. Очень по-взрослому.

Парень резко встает, подхватывает собаку на руки, прижимает к себе:

— Вы не понимаете! Дома Венди опасно. Никто бы не поверил, вот я и отвез ее сюда. Здесь ей хорошо, здесь это чмо до нее не доберется...

Вдыхаю:

— Никита, семья — это сложно. Но вы бы хоть пробовали разговаривать друг с другом. И если заводил собаку, почитай, что ей нужно...

— В смысле?

— В смысле, полное название породы узнай хотя бы! И поговори наконец нормально с отчимом. Понимаю, он тебе не нравится, но это не значит, что с ним не нужно говорить.

— Да не хочу я с этим придурком разговаривать!

— Мало ли кто чего не хочет. Переступи через себя ради сестер хотя бы — это же и их щенок. Позвони отчиму. Прямо сейчас. Вам есть о чем поговорить. Узнаешь много нового и интересного, я это гарантирую.

Женя звонит мне часа через два:

— Мы с Никитой все обсудили. Вы можете привезти Венди домой, как будто это вы ее нашли?

Колеблюсь пару секунд. В каких-то случаях мы делали и так. И гонорар тогда получим максимальный. Но...

— Это возможно. И все же подумайте сами, не многовато ли и без того в вашей семье секретов? Может, расскажете Алевтине все как есть?

— Она расстроится, что мы так друг другу не доверяли...

— Зато обрадуется, что это больше не так. В семье надо разговаривать друг с другом.

Проще, конечно, давать этот совет другим, чем самому ему следовать. Но об этом можно подумать позже.

— Только вот что, пришлите мне фотографии детей со щенком, когда вернете его домой. А то довели до слез мою сотрудницу...

Уже в ночи мне на телефон приходят фотографии, и тут же — уведомление о зачислении средств.

Гонорар эта семья выплатила максимальный.

— Ну привет, команда!

Самому не слишком нравится нарочитая бодрость в голосе. Команда смотрит на меня настороженно. Я никогда раньше их так не называл. Никогда даже не собирал полным составом, раз уж на то пошло. Они все как-то сами между собой знакомились, когда пересекались в офисе... наверное. Вообще за этим не следил. Текущие вопросы вроде утверждения графика и расчета премий мы обсуждали с каждым отдельно — я и Катя. А над командным духом я не работал совсем. Потому, наверно, ребята и расклеились в мое отсутствие. Я был единственным, что их объединяло.

Обвожу взглядом притихших сотрудников. Один Виталя жизнерадостно лыбится — искренне рад возвращению начальника, простая душа. Что-то в нем изменилось... похоже, стрижку нормальную сделал. Катя напряжена — думает, наверно, что я стану придираюсь к ее работе. Ксюша смотрит настороженно — наверняка где-то накосячила и гадает теперь, знаю я или нет. Лиза сутулится и вертит в руках чайную ложечку — почти никого не знает и чувствует себя неловко. Нина Львовна вяжет шарф, мерно постукивая спицами. Генка-паровоз пырится в телефон, которые держит под столом, думая, что я не вижу — полагает, все это его не коснется. Владимир Ильич, сосредоточенно сопя, массирует колено — ноги разболелись у старика.

Сейчас надо сказать: «Я вас собрал, чтобы...» Проблема в том, что как ни стыдно это признавать, я так и не смог окончательно определиться, чтобы что. На базе я лез на стенку от ощущения собственной бесполезности и прямо-таки мечтал о дне, когда вернусь к своей настоящей работе. Но дома со всеми этими хлопотами как-то охладел к мысли о трудовых буднях; когда возвращение в офис стало реальностью, энтузиазм резко пошел на спад. Вообще говоря, у меня же теперь есть работа, на которую меня могут сдернуть в любую минуту, так что толком заниматься бизнесом я не смогу. Видимо, разумнее всего сейчас объявить о закрытии конторы. Не с сегодняшнего дня, конечно — дать людям месяца три на принятие реальности и поиск новой работы. Потом постепенно свернуть рекламу, закрыть заказы, раздать долги, ликвидировать имущество. Выплатить всем по возможности прощальную премию и разойтись, как в море корабли. Сейчас, конечно, такое сообщение вызовет весь спектр негативных эмоций — от негодования до печали. Но держать людей в неведении было бы гаденько.

В любом случае тянуть с собранием было нельзя — я неделю как вернулся, и кроме дела со щенком, никаких успехов в трудовой деятельности не достиг; мы по-прежнему вяло бултыхались, ребята работали спустя рукава, а я даже не мог понять, куда именно следует прикла-

дывать усилия, чтобы изменить ситуацию. Нарастало неприятное ощущение, что за полтора месяца вынужденной командировки я упустил вожжи. Что-то нужно менять — причем прямо сейчас. А я даже не знаю, с чего начать.

Неожиданно на помощь приходит Владимир Ильич:

— «Господа, я собрал вас, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие».

Все улыбаются, и обстановка чуть разряжается.

— Да, спасибо, — с облегчением соглашаюсь. — Известие и правда такое себе. Меня не было полтора месяца... как некоторые, возможно, заметили.

Ребята снова улыбаются. Теперь все внимательно смотрят на меня — мы на одной волне. Ловлю нужное настроение и продолжаю говорить:

— К сожалению, такие ситуации могут повторяться в будущем — с непредсказуемой частотой, на непредсказуемый срок. Возможно, скоро мне придется уехать надолго. Я открывал этот бизнес как свое личное дело, вас приглашал быть моими помощниками. Теперь ситуация изменилась. В таком виде это продолжаться не может. Нам надо экстренно, на ходу реорганизоваться.

— Это как? — нервно спрашивает Катя.

— Либо мы с вами понимаем, что история «Потеряли? Найдем!» на этом заканчивается, и начинаем готовить ликвидацию фирмы. Не волнуйтесь, прямо сейчас вы на улице не окажетесь, время на поиск новой работы у вас будет.

Улыбки на лицах тают, словно снежинки под дыханием. Ребята растерянно переглядываются.

Да черт возьми, мне самому это капец до чего не нравится.

— Либо мы всем колхозом решаем, как нам организовать, чтобы фирма работала в мое отсутствие не хуже, чем при мне.

— Про колхоз не поэл, — подает голос Виталя. — У меня бабка застала колхозы еще, так рассказывала, там типа такого: «кто много работает, тот сам себе враг». Нечеткий это расклад, Саня. Скажи прямо, кто у нас в авторитете будет, когда тебя нету.

Вот жеж... На что Виталя не Эйнштейн, однако со своим уличным чувством иерархии интуитивно лучше меня понимает, что нужно сейчас сказать.

— В мое отсутствие руководить фирмой будет Катерина.

— Она ж секретарша, — встревает Ксюша.

Да уж, не Мари Кюри наша Ксения, что поделать.

— Катя у нас начинала как секретарь. Сейчас исполняет обязанности секретаря временно, пока мы подбираем нового сотрудника на эту позицию. С сегодняшнего дня и далее Катя — мой заместитель. В мое отсутствие ее распоряжения для всех — все равно что мои.

Катя заливается румянцем, но скорее торжествующим, чем растерянным. Ободрающе подмигиваю ей. Эх, сделал бы я это до отъезда — глядишь, не ушли бы в минус. Знал бы, где упаду — соломки бы подстелил.

— И вторая новость. Теперь у нас будут еженедельные общие совещания. Их буду вести я, в мое отсутствие — Катерина. За пропуск без уважительных причин — штраф. По вторникам в одиннадцать всем удобно?

Никто не возражает.

— Сейчас мы разойдемся на пятнадцатиминутный перерыв, чтобы потом не прерываться. Пусть каждый вспомнит все дела, которые были у него в последнюю неделю, с прошлого вторника включительно. Подумайте, что вам удалось, какие сложности возникли, как можно было бы действовать более эффективно.

— Чего это значит — фиктивно? — переспрашивает Виталя.

— Что можно было более четко сделать, — поясняет Генка. — Чтoб порожняк не гнать вместо нормальной работы.

— И никаких реплик с мест! — строго смотрю на Виталию. — Кто хочет что-то сказать — поднимает руку и говорит, когда ведущий ему разрешает. Как в школе, да. Иначе увязнем в обсуждении и до вечера тут просидим. Кто-нибудь этого хочет?

Никто, естественно, не хотел.

— Все, коллеги, жду вас здесь ровно в одиннадцать сорок. Не опаздывайте.

Ударим четкостью по пофигизму и выгоранию.

Глава 5. Будущее в прошедшем. Часть 1

Март 2030 года

По существу я теперь все равно что работаю на двух работах. Штаб продолжает платить мне зарплату за то, что даже дома я как бы виртуально остаюсь на боевом посту. Выданный мне телефон я обязан круглосуточно носить при себе и держать заряженным — для этого пришлось закупить мощные аккумуляторы. Я могу отключить звук для обычных звонков и уведомлений, но не для сигнала чрезвычайного оповещения — который, впрочем, до сих пор ни разу не поступал.

Еще одна моя обязанность — посещение трижды в неделю ведомственного спортзала. Тренажеров там немного, но они очень навороченные. Других посетителей я там ни разу не видел — наверняка они приходят каждый по своему графику. Инструктор гоняет меня как сидорову козу по программе, которую я начал в Штабе. Иногда необходимость после работы тащиться в спортзал тяготит, но в целом я даже рад. В последние полгода старался тренироваться регулярно, но знаете, как это бывает — то одно то другое...

Наконец, по понедельникам и четвергам я провожу полтора часа в маленьком закрытом для посторонних тире. Остальное время — в моем распоряжении. Зарплата раза в полтора больше той, которую я получал до Одарения в своей айти-конторе на позиции сеньора. На мои потребности хватает с головой, но закрывать бизнес я не намерен, несмотря на все сложности. Нельзя так кидать людей, которые только поверили, что все у нас всерьез и надолго. И потом, Прорыв в Карьерном вполне может оказаться разовым эксцессом; вряд ли родное государство станет кормить дармоеда «просто на всякий случай» до конца жизни. В любом случае пассивно прозябать на скамейке запасных я не собираюсь.

Однако оживить забуксовавший бизнес оказалось не так-то просто. Не то что бы это стало неожиданностью, но переход на твердые оклады изрядно расслабил сотрудников; они вроде бы отрабатывали каждый свою программу, но довольно формально, на отвали. Когда я выезжал к клиентам сам, то без Дара чувствовал себя беспомощным — брать дела сложнее стандартного поиска теперь вроде бы смысла не было. И наконец, на тот оклад, который мы могли сейчас предложить, найти нормальную секретаршу оказалось нереально. Соблазнявшиеся нашей вакансией соискательницы с порога демонстрировали кто невероятную тупость, кто скандальный нрав, кто полное отсутствие пунктуальности — а некоторые уникамы все это умудрялись виртуозно совмещать. Предпоследняя кандидатка недавно прибыла из сопредельного солнечного государства и едва говорила по-русски, а вместо последней на собеседование заявила ее мамаша — «моя доченька очень хочет работать, просто именно сегодня не смогла прийти».

Только теперь я толком осознал, как же мне повезло с Катюхой в свое время — на приличную работу ее не брали из-за Дара нимфы, а я рискнул. Оказалось, что у Кати все в порядке с системным мышлением, без которого нормальным руководителем стать нельзя: она здорово рулит процессами, задачами и людьми. Однако и секретарская работа до сих пор на ней, а нагрузка растет. Я даже в отпуск не могу ее отпустить...

Из-за всей этой суеты мои личные проблемы не то что потеряли актуальность, но как-то отошли на второй план. Марию я видел однажды издали на парковке, но подойти и поздороваться не успел — опаздывал на тренировку, а со Штабом шутки плохи. В конце концов, надо ли оно мне? Это же естественно и нормально, что у одного мужчины — одна женщина. Кем я себя вообразил, казанова хренов...

Тем не менее едва я увидел, что от Марии пришло сообщение, мой пульс чуть участился. Вот жеж, можно сколько угодно себе внушать, что это был случайный перепихон и все

закончено — но тело-то не обманешь... Мария писала: «Привет. Поздравляю с возвращением. Можешь зайти сегодня после шестнадцати? Дело есть, сложность средняя, по деньгам тоже».

Пожалуй, если бы Мария имела в виду шпилли-вилли, не стала бы писать «дело есть», да еще с уточнением про срочность и деньги. Хотя кто их разберет, этих женщин... А то, что для «Марии» средние деньги, для моей шараги — очень даже большие, и жирный заказ пришелся бы как нельзя кстати. Хотя я в последние месяцы не выводил средства со счета ИП на личный, все равно на зарплату для приличного секретаря мы сейчас не зарабатываем.

На Марии новый костюм, и я невольно начинаю представлять, что под ним, должно быть, и белье тоже новое. Но она улыбается так вежливо и нейтрально, что лишние мысли сами собой вьются, как морковка под жгучим солнцем.

— Хочу передать вам заказ, — с места в карьер начинает Мария. — Дело как раз для тебя. У вас же стагнация, медленно, но верно переходящая в спад.

— Все-то ты знаешь...

— Работа такая.

— Что нужно искать?

— Не что, а кого. Шепталу в трудовом коллективе.

Вопросительно приподнимаю бровь. Такая работа подходит именно детективному агентству, а не поисковому.

— Тут проблема в специфике организации, — поясняет Мария. — Туда не так-то просто внедриться. Вообще такие заказы мы уже выполняли, методика отработана. Заказчик временно оформляет нашего агента будто бы на работу, а дальше уже вопрос техники. Шептала всегда на чем-то прокалывается, когда не знает, что его вычисляют. Но тут сложность в том, что никто из моей фирмы в эту организацию устроиться не может. А ты сможешь.

— Что же это за контора? Атомная электростанция? Космодром? Тайная лаборатория на тропическом острове?

— Всего понемногу. НИИ на Академической.

Конечно же, я много раз проезжал мимо унылой кирпичной коробки, обнесенной серым бетонным забором. Вроде бы там проектировали что-то для космоса, приборы или датчики. Весь город знает, что институт в упадке, зарплаты крошечные, перспектив никаких. Не думал, что в этот умирающий атаквизм советской эпохи так уж сложно проникнуть сотрудникам лучшего детективного агентства города.

Мария рассказывает про заказ с самого начала. В агентство обратился руководитель небольшого отдела — из-за нехватки кадров там числилось до последнего времени всего три сотрудника, включая его самого. Месяц назад к ним прикрепили троих аспирантов, причем набрали их, как водится, не с улицы — все чьи надо родственники, все уже одобрены диссертационным советом... В общем, годик ребята почалются младшими научными сотрудниками, а потом сделаются целыми кандидатами наук.

Все это — обычное дело для НИИ, отработанный процесс. Вот только в этот раз вскоре после появления троицы МНС у всех членов коллектива кучно пошли неприятности: мелкие травмы на ровном месте, поломки техники, досадные просчеты в давно привычной, до автоматизма доведенной работе... Если первые случаи легко можно было списать на обычное головотяпство или попросту невезение, то скоро стало ясно, что тут прослеживается система. И так жить нельзя. Рано или поздно кто-нибудь или лишится насиженного рабочего места, или серьезно покалечится.

Выкинуть на мороз всех трех аспирантов заказчик не может — у каждого связи, не хочется портить отношения с авторитетными людьми, в научном мире от них зависит все. Кроме того, отделу с аспирантами проще получить гранты или что-то еще питательное. А вот если найти шепталу и собрать хоть какие-то доказательства, источник проблем можно убедить уйти подобру-поздорову.

Коллектив маленький, вычислить шепталу несложно. Этот Дар известен: порча накладывается при личном общении и срабатывает через два-три часа. Надо просто отслеживать, кто с кем вступает в контакт, и сопоставлять с временем происшествий. Проблема в том, что ни один из сотрудников «Марии» в НИИ не может попасть. Заказчик берется устроить сыщика «на работу» — вакансии в отделе есть, при тамошних зарплатах соискатели в очередь не выстраиваются. Вот только для зачисления в штат необходимо пройти собеседование с бабкой из Первого отдела, а про нее еще до Одарения поговаривали, что она людей насквозь видит. Теперь это, по всей видимости, буквально так и есть, потому что уже двоих сотрудников «Марии» она развернула со словами «чую, что-то вы не то задумали, есть у вас двойное дно». При том, что конъюнктурщиков, рукожопов и неудачников бабка на работу принимала; но они по крайней мере честно намеревались если не самоотверженно трудиться во благо науки, то хотя бы некоторое время отбывать номер.

— Никогда нельзя недооценивать ведьм из отдела кадров, — Мария чуть улыбается. — Мне кажется, какая-то своя магия у них была и до Одарения. Так или иначе, мы не можем внедриться в НИИ. А вот ты можешь.

Вот жеж... Когда и, главное — как Мария успела понять, что у меня теперь нет Дара, зато есть иммунитет к Дарам других людей? Я этого не афишировал. Государственной тайны тут никакой нет — шила в мешке не утаишь. И все-таки... Ну да, работа у Марии такая — все уметь быстро узнавать. А я с этой женщиной спал... и не против повторить, вот в чем проблема. Но сейчас у нее такой деловой тон... Она обижена на мой отъезд? Не знает, что это не было моим решением, наоборот, пришлось приложить усилия к тому, чтобы вернуться? Или дело просто в том, что я перестал быть ей интересен? Может, она встретила кого-то более... подходящего ей?

Пока я ломаю голову, Мария выводит на принтер документы.

— Вот базовый договор, вот выплата при успехе дела... здесь — за один рабочий день эксперта, твой то есть. Других накладных расходов не предвидится, если что-то вдруг возникнет, надо согласовывать с заказчиком. Мы удержим двадцать процентов. Это справедливо, заказ-то наш изначально. Если понадобится консультация, — Мария усмехается краешком рта, — обращайся в любое время, оплаты не возьму. Главное — собрать информацию. Провести, так сказать, разведку боем.

Заставляю себя сосредоточиться на суммах. Да, для нас это достаточно жирный заказ. Всех наших финансовых проблем он не решит, но какой-то ресурс для оптимизации будет.

Спрашиваю совсем не о том, что на самом деле занимает мою голову:

— Заказчик же как частное лицо выступает? Если в этом НИИ маленькие зарплаты, откуда у него деньги на частных детективов?

Мария неопределенно поводит рукой:

— А то ты не знаешь, как оно бывает... Может, к гранту подсосался и пилит понемногу. А может, с правильными людям сотрудничает в смысле госзакупок. Да и научные степени на дороге не валяются, знаешь ли; их распределение — известная кормушка. Видала я докторов наук, не способных два тезиса непротиворечиво связать: дипломы купили, думать не купили. На первый взгляд денег в академической среде нет, но если присмотреться — очень даже и есть, хотя достаются не каждому. Нас, однако, не для того наняли, чтобы распутывать их схематозы. Ты как, берешься? Учти, на работу по-настоящему надо будет устроиться, с документами. И соблюдать их старорежимный трудовой распорядок.

— Берусь.

Не в том мы сейчас положении, чтобы перебирать харчами. То есть я-то не бедствую, но вот если меня снова сдернут в Москву, фирма этого может и не пережить.

— Вот и славно. Жаль было такой заказ сливать, пусть хоть соседям поможет. Список документов для кадров скину сейчас...

В улыбке Марии сквозит что-то вроде «спасибо, до свидания». Она поворачивается к монитору. Решаюсь:

— Может, после работы повидаемся?

Мария не сразу, будто нехотя отрывается от экрана, поворачивается ко мне и качает головой:

— Саша, ты правда классный мужик, и хорошо же нам было...

— Это то, что идет перед «но», так?

— Так. Это никуда не приведет нас обоих. А работать помешает. Ну зачем это все говорить, ты же сам все прекрасно понимаешь.

В ее голосе нет привычной уверенности — похоже, она убеждает скорее себя, чем меня.

Пожимаю плечами. Вроде понимаю, но... Конечно, тухлое это дело — мутить с женщиной, когда сам не понимаешь толком, чего хочешь. Плакат «Мир открывает двери перед тем, кто точно знает, куда идет» по-прежнему висит на стене. Эх, прислонял я хозяйку кабинета к этому плакату спиной, было дело. А теперь-то что... не знаешь, куда идешь — так и не ломись почем зря в двери, открыты они или нет.

Это правильно.

Но поступать правильно и быть собой — разные вещи.

Иду к двери кабинета — затем, чтобы прикрыть ее и вернуться. Обнимаю Марию, и она не отстраняется. Целую в губы.

Я знаю — она не так безупречна, не так холодна, не так расчетлива, как старается показать.

— У тебя? Сегодня?

Мария выдыхает:

— Черт с тобой. Сегодня. У меня.

— Родственники за границей имеются?

— Ч-что? Нет, нету...

Грымза сурово смотрит на меня сквозь очки в металлической оправе. Выглядит она как постаревшая версия тетки с советского плаката «Не болтай!»

— Какой Дар?

— Да вот, знаете, мигренями мучился. Теперь прошли.

Удобная ложь — это недоказуемо.

— Знание иностранных языков?

— Английский С1, немецкий А2.

— Мы тут не в морской бой играем, молодой человек. Со словарем или без словаря?

— В смысле — без словаря? Словарь всегда пригодится...

Ведьма поджигает губу. Чувствую себя отбившейся от рук молодежью, потерянным поколением практически.

— С какой целью устраиваетесь в наш НИИ?

— Да вот как-то... — хлопаю глазами с подкупающей, как я надеюсь, беспомощностью. — Работа нужна, и тут как раз Арсений Петрович позвал лаборантом. Стабильность, говорит, и условия хорошие... социальные гарантии опять же. В частных-то фирмах вы знаете, как оно — все соки выжмут, а как только станешь не нужен, мигом на улицу выставят. Я там работал честно, но после Одарения предложили «по собственному желанию» заявление писать, иначе обещали уволить по статье. Солидное академическое учреждение — совсем другое дело.

Старуха глядит на меня пристально — видит насквозь, наверно. В моем случае — действительно насквозь, словно я — прозрачное стекло. Результат, похоже, ее устраивает, хотя брезгливое выражение так и не сходит с морщинистого лица. Она подвигает мне пачку рыхлой сероватой бумаги:

- Заполняйте анкету.
- Что... от руки?
- Да, собственноручно.
- Господи...

Я бы не удивился, обнаружив на столе перо и чернильницу. Там все же оказалась дешевая авторучка. Сперва ее приходится расписывать, зато потом она щедро подтекает, оставляя мазню.

Полчаса спустя с хрустом разминаю пальцы. Зажрался я в эпоху электронного документооборота — даже акты подписывать уже считал нудным и тяжким трудом. А тут каждый чих своей биографии изволь от руки расписать: и все операционные системы, с которыми работал, и условия проживания — с мамой живешь или сам. Ну вот какое им дело, казалось бы?

Грымза, не читая — ну кто бы сомневался! — пробивает анкету дыроколом и вставляет в серую картонную папку с надписью «Дело номер». Дальше, по счастью, надо уже только подписывать: заявление о приеме на работу, согласие на обработку персональных данных, трудовой договор, пять приложений к нему... В одном из них указана сумма зарплаты, которая на первый взгляд выглядит не такой уж и символической; у меня на прошлой работе не всякий мидл столько получал... А, стоп, это у меня уже в глазах рябит от бесконечных бумажек, ошибся я на порядок — тут в десять раз меньше. Господи, неужели за такие деньги кто-то хотя бы пальцем шевельнуть готов?

Так, а это что? Заявление о вступлении в профсоюз...

Тоскливо спрашиваю:

— Можно хотя бы в профсоюз не вступать?

— Ну как же так — не вступать в профсоюз? Все дети на Новый год будут с подарками, а ваши — без подарков?

— Да у меня и детей-то нет...

— Это пока нет, а когда будут — вы их что, без подарков оставите? Подписывайте.

Моя воля к сопротивлению сломлена. Не глядя, украшаю автографами очередную пачку макулатуры.

— Пропуск будет на проходной. Рабочий день начинается в восемь утра. Не опаздывайте, у нас не принято.

— Спасибо, до свидания...

Выхожу в длинный коридор, покрытый потрескавшимся линолеумом. Так, это же на какую рань надо поставить будильник, чтобы вовремя погрузиться в удивительный мир научно-исследовательского института...

Глава 5. Будущее в прошедшем. Часть 2

— Вы опоздали на четыре минуты, — хмуро говорит заказчик, встречая меня на проходной. — Видите ли, тут так не принято.

Артем Алексеевич одет в деловой костюм слегка не по фигуре, галстук по тону не подходит к рубашке. Однако марку его ботинок я знаю — самого жаба душит покупать такую пафосную обувь. Да, определенно, деньги в науке водятся — наверно, если места знать. Заказчик оказывается моложе, чем я ожидал — ему около полтинника.

— Ладно, буду уметь знать.

Мы следуем в отдел, и мне приходится напрягать память, чтобы запомнить дорогу. Территория не такая уж большая, наверняка даже в дальний ее конец можно расслабленно дойти минут за десять, но путь лежит через множество лестниц вверх и вниз, коридоров, закоулков и тупиков. Коридоры всюду широкие, а вот отделка различается: где-то затертый до дыр линолеум, где-то новый, но дешманский ламинат, а где-то древний, но бережно восстановленный паркет-елочка. Двери то старинные двустворчатые, то хлипкие, из прессованного картона, какие и в дачный сортир-то поставить зазорно. Видимо, каждый отдел давно уже финансирует себя сам, кто во что горазд. Только стены везде одинаковые: в рост человека выкрашены болотно-зеленой краской, а выше — белые.

Наш закуток оказывается серединкой на половинку — на полу вполне приличный ламинат. Сотрудники сидят в двух просторных смежных помещениях. В проходной комнате — «молодежь», то есть аспиранты, а в дальнем кабинете с двумя обширными окнами — трое «старичков», включая нашего заказчика. Туда и иду представляться первым делом.

— Вы опоздали на одиннадцать минут! — приветствует меня дама с голубыми волосами — отчаянно цепляющаяся за остатки молодости Мальвина. — Для первого рабочего дня простительно, но на будущее запомните: у нас так не принято!

— Понял, понял! Меня Александр зовут, можно просто Саша.

— Это наша Аркадия Львовна. Доктор наук, главный научный сотрудник, душа нашего небольшого коллектива, — сообщает Артем Алексеевич.

— Очень приятно!

Заходит с кружкой в руках пыльного вида дядька — вроде не старый еще, но какой-то пожеванный. На автопилоте жду очередную порцию поучений, что опаздывать тут не принято, потому что не принято тут опаздывать. Но дядька мягко улыбается и представляется сам, не дожидаясь, пока это сделает начальник:

— Я Виктор Семенович, ведущий научный сотрудник. А ты... Саша, так? Уже получил талоны на обед?

— Да как-то... нет, не получил еще.

— Безобразие! Профком целыми днями чай гоняет, а ты без талонов на обед! Сейчас позвоню...

— Да не стоит беспокоиться, право же. Когда выдадут, тогда выдадут.

— Но как же, как же ты будешь обедать, Саша? — кудахчет Мальвина-Аркадия.

— А за наличный расчет столовая не работает?

Все смотрят на меня так, словно я предложил использовать купюры для растопки мангала. Начинается суeta со звонками, бесконечными переключениями с секретаря профкома на начальницу отдела кадров, потом на бухгалтерию и снова в профком. Переговоры сопровождаются продолжительными беседами о здоровье, о кознях завхоза и эпопее с ремонтом актового зала... Не проходит и часа рабочего времени, когда животрепещущий вопрос с моими талонами оказывается наконец разрешен — мне обещают выдать их в обед.

— Ах да, Александр, вам же нужно на чем-то работать... — вспоминает Виктор Семенович.

Чуть напрягаюсь. Честно говоря, в чем заключается моя якобы работа здесь, я так и не смог выяснить. В смысле суть-то понятна — сейчас отделаюсь от этих стариканов и пойду наблюдать за аспирантами, среди которых затаился предполагаемый шептала. Но вот какую деятельность придется изображать для прикрытия... Заказчик попросту отмахнулся от этого вопроса.

— Вам компьютер должны подключить, — продолжает заботливый Виктор Семенович. — Сейчас позвоню системному администратору...

Админ является по меркам этого заведения достаточно быстро — через четверть часа. Он словно прибыл на машине времени из древних анекдотов — неряшливая борода, очки с замотанной изолентой дужкой, растянутый свитер в каких-то шерстинках — наверняка кошачьих. Сисадмины, которых я знал, были вежливы, подтянуты и аккуратны; кстати, среди них теперь много девушек.

— Компьютер подключен и настроен, — меланхолично докладывает сисадмин. — Вот только пароль для входа выдать не могу. Нет допуска.

— Как это — «нет допуска»? Я же трудоустроен сюда, собеседование в Первом отделе прошел. Какой еще допуск нужен?

— Допуск от отдела информационных технологий, — сисадмин старательно подавляет зевот. — Его может выдать одна сотрудница, но она ушла на больничный.

Изображаю возмущение:

— И как же мне работать? Может, печатную машинку мне выдадите? И скоро эта сотрудница выйдет с больничного?

— Ну, ей семьдесят пять лет, — пожимает плечами сисадмин. — Выйдет когда-нибудь... наверное. А без ее подписи выдавать пароли я права не имею. Насчет печатной машинки — это не к нам, это в административно-хозяйственную часть.

— Ну вот, с делами разобрались, можно и чаю попить, — радостно говорит Мальвина, когда сисадмин уходит. — А ты, Саша, иди, познакомься с молодежью...

Так проходит рабочее время, от которого ни в коем случае нельзя украсть ни минуты — опаздывать здесь не принято, это я усвоил. Но я наконец могу перейти к своей настоящей работе.

Аспирантов трое — два парня и девушка. На мое появление они реагируют по-разному. Очкарик в белой рубашке встает, тянет руку для пожатия, представляется:

— Очень приятно. Роман.

Лицо у Романа правильное, но какое-то скучное.

Толстый лохматый парень нехотя отрывается от планшета, в открытую стоящего рядом с рабочим компьютером, и вяло машет рукой:

— Привет-привет.

Представляться ниже его достоинства, но я заранее навел справки и знаю, что этого увальня зовут ретро-именем Тимофей. Опуская руку, он локтем задевает упаковку скрепок — Роман успевает подхватить ее раньше, чем она падает на пол.

— Добро пожаловать в наше дружное болото, — криво усмехается девушка по имени Даша. — Запомни: к старшим научным сотрудникам всегда на вы и по имени-отчеству, а они тебе будут тыкать. Здесь это нормально, смиришься. Можешь целый день ничего не делать, но опоздать не могли даже на сраную минуту — запилят.

Даша полненькая, невысокая, круглолицая. Одета небрежно, но с некоторой претензией на богемность. Волосы выкрашены в бордовый, причем не слишком-то ровно. На руках и шее — цветные татуировки.

Такое вот ты, будущее российского космоса. И кто же из этих симпатичных молодых людей в глубине души ненавидит все живое и ежедневно гадит коллегам по мелочи?

Мария уже собрала на каждого из них небольшое досье. Открыто в соцсетях о своем Даре писал только очкарик Роман — утверждал, что является одаренным аналитиком. Аналитиками для простоты называли людей, Дар которых лежал в сфере работы с информацией, тех, кто 17 декабря хотел «быть умнее, лучше думать». Доказать этот Дар еще сложнее, чем «избавление от мигрени», которым я отмазался при оформлении сюда — в случае с мигренью я гипотетически мог бы подтвердить медицинскими документами, что она была. А вот когда человек заявляет, что стал лучше думать — как понять, это Дар или он сам по себе умен? Наверно, раз мечтал стать умнее, значит, дураком и не был — только дураки считают себя достаточно умными. Мария вот одаренный аналитик... и Алия, психолог из Штаба. А вот Дар это или собственные мозги — хрен докажешь... И если мозги, то в чем тогда настоящий Дар?

В случае Романа с доказательствами было слабовато: никаких выдающихся научных трудов, равно как и иных достижений на почве аналитики за Романом до сих пор не числилось. Может, конечно, он прямо сейчас работает над гениальным открытием, которое изменит наши представления о мире... по крайней мере он единственный хотя бы делает вид, будто смотрит в служебный компьютер.

Хмурый толстяк Тимофей соцсетей не вел вовсе. Даша много писала о своем хобби — ролевых играх, но не тех, которые с плетками, а типа в эльфов и орков с деревянными мечами или что-то в таком духе. Однако о своем Даре, как показало сканирование сотен постов, аспирантка не обмолвилась ни словечком — по крайней мере публично.

Занимаю пост в углу, возле служебного компьютера, к которому мне так и не дали доступа. Разворачиваю для вида древнюю должностную инструкцию, напечатанную еще на пишущей машинке, и наблюдаю. До обеда никто ни с кем не вступает в контакт: Роман сосредоточенно пыжится в монитор, Тимофей — в планшет, а Даша читает переводной детектив в мягкой обложке; надо же, кто-то еще покупает бумажные книги.... Мальвина несколько раз проходит мимо с чайником и грязными чашками, но общаться с молодежью не стремится — только Даше почему-то вдруг подарила шоколадную конфету в золоченой фольге. Отмечаю, что Виктор Семенович и Роман выходили в туалет в одно время, а Даша однажды зашла в комнату стариков — возвращала одолженную сахарницу. Еще Даша каждый час бегаёт курить, и никто ей замечания не делает — хотя вообще отлучки с рабочего места тут не приветствуются.

Обедать идем все вместе — Мальвина бдительно запирает общую дверь. До столовой всего-то три перехода по коридорам и четыре лестничных пролета.

В холле перед столовой — панно в серо-зеленых тонах. Блеклое, хотя наверняка его реставрировали с советских времен, и не один раз. Присматриваюсь — не то водолазы, не то космонавты с мечтательными лицами рассекают среди каких-то абстрактных фигур. На переднем плане — мальчик с раскрытой книгой в руках смотрит на зрителя радостно и одухотворенно. Прямо хочется оглянуться и проверить, что хорошего он видит там, за твоей спиной? Наверно, то будущее, которое давно уже осталось в прошлом. Институт, однако, вполне себе существует в настоящем — научные гранты сами себя не распилят.

Виктор Семенович углубляется в служебное помещение, потом выходит и торжественно вручает мне трофей — пачку кривовато нарезанных проштампованных талонов. В обмен на них выдают комплексный обед — куриную лапшу, котлету с рисом, свекольный салат и компот из сухофруктов. Все вполне съедобно — хотя бы от голода тут не помрешь.

Столовая полна сотрудников НИИ — в основном довольно возрастных. Виктор Семенович и Мальвина жизнерадостно обсуждают с ними здоровье, распределение профсоюзных путевок, неподобающее поведение какой-то дамы из ученого совета. С ностальгией припомнил свою айтишную контору. Там за обедом, конечно, тоже сплетничали, но все-таки на рабочие

темы — кто проваливает дедлайн, кто заснул на совещании, кто офигел уже без конца запрашивать разметку, хотя заказанную ранее в работу не берет.

Обедают сотрудники отдела за одним столом — не от большого расположения друг к другу, а просто так уж тут заведено. Только предусмотрительный Артем Алексеевич куда-то сбежал. Не хочет, видимо, контактировать с шепталой. Остальные, однако, сидят друг к другу достаточно близко.

Хотя стол просторный, Тимофей за пять минут умудряется дважды задеть меня ногой — и, судя по раздраженным взглядам, которые время от времени все на него бросают, не меня одного. Пространство вокруг него мгновенно покрывается хлебными крошками и брызгами супа.

— Ты не мог бы потише чавкать? — раздраженно спрашивает чистюля Роман. — Ты же космическую науку представляешь, не колхоз «Красный угар».

— Ну не все же, как ты, о-да-рен-ны-е а-на-ли-ти-ки, — издевательски тянет Тимофей. — Правда, пруфов что-то не видать, твою преддиссертацию даже ученый совет забраковал, а им ссы в глаза — все божья роса... Не хочешь свой настоящий Дар достать... из широких штанин?

— Я сыт. Всем приятного аппетита, — Роман отодвигает недоеденную котлету и выходит из-за стола. Его спина прямо-таки излучает оскорбленную гордость.

Что еще за новости про «настоящий Дар» Романа? Надо этого Тимофея разговорить...

— Как тебе не стыдно так выражаться за столом, да еще при женщинах, — качает головой Виктор Семенович. — Дашенька, что-то ты бледная. Хорошо себя чувствуешь?

— Действительно, Даша, выглядишь нездоровой, и не поела ничего, — подхватывает Мальвина. — Может, тебе домой поехать, полежать? Я командировку в филиал выпишу, чтобы кадры прогул не проставили...

— Не надо ничего, — отзывается Даша, не отрываясь от своего телефона.

Не в первый раз замечаю, что к хамоватой Даше все сотрудники относятся на удивление благожелательно. У мужиков такое поведение можно было бы списать на обыкновенный кобелизм, даже у Виктора Семеновича — «седина в бороду — бес в ребро». Даша не секс-бомба, конечно, но когда это кого останавливало — наоборот, непривлекательные женщины многим мужчинам кажутся более доступными, чем сияющие красотки. Однако почему это совсем не раздражает Мальвину? Напротив, она хлопочет вокруг Даши больше всех. Может, у этой толкиенистки есть влиятельные в академическом мире родственники? Вроде составленное Марией досье показывает обратное: Даша наименее блатная из всех аспирантов, ее двоюродный дядя — всего-то ведущий научный сотрудник в другом НИИ...

Почти слышу, как в мозгу скрипят шестеренки от попыток разобраться во всех этих хитросплетениях. Насколько же проще было получать информацию Даром...

Первый инцидент случается вскоре после обеда. Престарелая девочка с голубыми волосами вбегает в комнату аспирантов:

— Ребята, подскажите, что делать, как быть? Я что-то случайно нажала в базе НИОКРов, и целый столбец пропал!

— Можно же бэкап у системных администраторов запросить, — участливо предлагает очкарик Роман.

— Они говорят, заявление надо писать, визы трех начальников отделов собирать! А там кто болеет, кто в отпуске...

Вид у Мальвины расстроенный. Не в этом моя работа, но не оставлять же даму без помощи:

— Аркадия Львовна, давайте я посмотрю.

Кажется, с этим ПО я работал в школьном кабинете информатики — все уже тогда ругались на доисторический софт. Так, столбец не удален, а переформатирован, простая отмена действия тут не сработает... Копаюсь в служебных файлах и восстанавливаю данные из кэша.

Раздражают всплывающие сообщения из мессенджера — древнего, дырявого, такой сейчас может взломать любой школьник. Хоть бы Телеграфом пользовались, вот уж что никому не удастся взломать. Впрочем, никаких космических тайн в переписке нет — обсуждают цены на хлопковое постельное белье в соседнем магазине и прическу какой-то Светы из бухгалтерии.

Так что же произошло с базой данных? Может, дело в криворукости Мальвины-Аркадии. А может — сглаз. Не рановато ли сработал? После обеда прошло минут двадцать. Могло так совпасть, а может... кто-то контактировал с ней до обеда? Да, Мальвина Даше конфетку подарила.

Некрасивая девушка — шептала? Тайно мстит миру за свою непремияльность? Вполне может быть. Но Даша выглядит доброй, хотя и грубоватой, и, кажется, всем она нравится...

Остаток рабочего дня проходит без происшествий. В половину пятого все начинают переобуваться в уличную обувь и собирать вещи — ну не тратить же на подготовку к выходу личное время! Даже Роман перестает пыриться в монитор. Я отвлекаюсь проверить рабочие чаты — со своей настоящей работы, тут-то вся коммуникация идет в лучшем случае лично или по телефону, в худшем — служебными записками с миллионом виз. Потому пропускаю момент, когда прилизанный очкарик Роман вдруг громко матерится. Поднимаю глаза — в его руках пакетик сока, проколотый трубочкой, а по рубашке расплывается темно-красное пятно.

— Да что же такое! — кипятится Роман. — Случайно сдал в руке пакетик — и половина через трубочку вылилась! И, как назло, сок вишневый! Рубашку теперь только выкидывать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.